А. П. Щапов.

НЕИЗДАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ.

с предисловием, и примечаниями Е. И. Чернышева.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Критика источника, его достоверность.

В секретной части архива канцелярии Казанского губернатора за 1863 год находится папка вещественных доказательств, служащих приложением к двухтомному делу № 15, под заглавием „Бумаги, найденные при обыске вольнослушателя Каз. Университета Ивана Красноперова и коллежского секретаря Александра Красовского" на 276 листах. На первом листе помещена опись всем изъятым бумагам. Ввиду того, что самого делопроизводства в архиве не сохранилось, мы принуждены обратить внимание на состав изъятых бумаг. Очень много видим всевозможных черновиков и записок лекций, конспектов прочитанных книг: тут лекции по греческой литературе, лекции Григоровича по славянским языкам, по римской истории проф. Лукашевского, выписки по географии Ситтера, по физике, из творений Лактанция, из истории Шлоссера, есть тетради с немецкими и французскими словами и др., общим числом 30 документов из 52 Остальные 22 включают выписки из „Современника", сочинения Красноперова, письма к нему родственников и знакомых, прокламации „Земля и Воля" (Льется польская кровь, льется русская кровь), перевод из Стюарта Милля „о свободе", выписки из сочинений Добролюбова, песни, и наконец списки лекций А. П. Щапова, один из которых принадлежит самому Красноперову, а другой—неизвестному, послужившим для Красноперова оригиналом с которого он и снял для себя копию. Список неизвестного помещен под № 24 на 70—125 л.л., список Красноперова на л л. 182—198. Последний список с большими дефектами, особенно в конце, где наблюдается перестановка материала, являющаяся результатом либо небрежного, либо торопливого списывания, что и побудило нас принять за основу список неизвестного.

Вследствие того, что в нашем распоряжении находится хотя и по два, но все же списка и той и другой лекции, [1]) у каждого читателя возникнет вполне справедливое сомнение о принадлежности этих сочинений А. П. Щапову, тем более, что списки не авторизованы. Чтобы доказать авторство Щапова, нам удалось дать точные ссылки на некоторые места опубликованных его сочинений, в которые частично

[1]) Второй список вступительной лекции находится в архиве Казанского Гос. Университета в деле следственной комиссии о Ф. Некрасове за 1863 год.

попали и материал и его анализ из обоих вновь открытых сочинений. Биографы Щапова давно еще указывали, что он использовал эти лекции в других своих работах, но, конечно, не могли указать в какой доле они использованы и как. Действительно, в целях выполнения нашей основной задачи, мы устанавливаем, что в сочинениях Щапова „Великорусские области и смутное время", „Земство и раскол", „Земский собор 1648—1649 г.г. и собрание депутатов 1767 г." и „Ученая беседа" есть много общего, встречаются буквальные выдержки из этих лекций, [1]) но надо сказать и особенно про отрывки из „Ученой беседы", что цензурные условия того времени наложили свою печать; напр., слово „конституция" заменена словом „реформа", а наиболее сильные места и совершенно не использованы Щаповым в других его работах. Кроме того, биограф Щапова, Аристов, приводит много выдержек из этих сочинений в самом тексте своей работы, что тоже доказывает полную принадлежность авторству Щапова вновь найденных списков его лекций. За это же говорит и стиль и выдержки из былин, раскольничьих стихов и сочинений Шевченко, а также и то обстоятельство, что списки найдены у И. Красноперова, ученика и поклонника Щапова [2]).

Общественные группировки к 60-м годам.

Когда мы пытаемся дать характеристику деятельности любого общественного деятеля, будь то профессор, поэт, публицист, литератор, чиновник и проч., нам необходимо знать прежде всего классовые взаимоотношения той эпохи, чтобы определить позицию, занимаемую интересующим нас лицом в этих взаимоотношениях. Особенно же это необходимо, когда мы касаемся личности, заявившей себя на арене общественной деятельности и взаимоотношений.

Эпоха „великих" реформ очень богата различного рода классовыми группировками, начиная от ультрамонархической вплоть до социалистической. Черносотенная группа была весьма многочисленна; поскольку она является апологетом деятельности правительства, нам нет надобности останавливаться на ее идеологии—она всем известна.

В среде правых классовых группировок особенно резко выделяются представители торгового и промышленного капитала, или иначе, крупного землевладельческого дворянства и дворянско-купеческой промышленной буржуазии, к эпохе 60-х годов эти группировки уже пережили самый острый момент в своих взаимоотношениях, который относится главным образом к 50-м годам; в 60-е годы они лишь размежевываются, выявляют более точно сферу своих действий, оставаясь хозяевами положения в России и солидаризируясь в общей борьбе против либералов, демократов и социалистов.

Реформы, необходимые в интересах дальнейшего развития крупного торгового и промышленного капитала, представляемого такими деятелями как Кошелев, Гагарин,

---

[1]) Точные ссылки на общие места этих сочинений приводятся нами в примечаниях к тексту.

[2]) На последнее обстоятельство указал нам проф. Н. Ч. Фирсов в порядке обсуждения этой работы на собрании общества Археологии, Истории и Этнографии 16 ноября 1924 г.

и др. дали сильный толчек проявлению стремлений и среднего землевладельческого дворянства, которое, нажившись на выкупных платежах и имея в перспективе самое меньшее—не уронить доходности своего хозяйства, отстаивало политический приоритет дворянского сословия в деревне и провинции вообще, конкретно, ожидая для себя полноты власти и в деревне и в городе над „податным" населением.

Если крупная дворянская и купеческая буржуазия, составлявшая чуть заметную долю не только по сравнению со всем населением России, но и с дворянско-купеческой его частью, имела в своей далекой перспективе стремление завершить реформы конституцией, о которой она робко намекнула Александру II, то среднему дворянству и этого не требовалось. Чичерин в своих статьях прекрасно отразил политические взгляды среднего дворянства: перечисляя реформы, он доказывает, что они являются лучшим и полным отражением их интересов.

Мелкое захудалое дворянство, не составляя заметной „величины" в „обществе" того времени, однако находило довольно значительное число выразителей своих нужд и пожеланий; тем не менее эта „потрепанная" реформой группа силою обстоятельств была вовлечена в одну из более левых групп,—в группу умеренных либералов-монархистов, которая, опираясь на последних, как на социальную базу, ушла, при поддержке интеллигентной части сторонников либерализма, в утопический социализм типа Герцена. Герцен ничего не имел против и по отношению к монархии и по отношению к дворянству, как к господствующему сословию, лишь бы существовала хоть какая нибудь конституция и право „свободной речи", хотя бы для либералов. Герценовской же утопии был подвержен позже и Серно-Соловьевич в своем проэкте „Уложения Императора Алекс. II".

За мелко-буржуазным дворянством с очень крепкими сословными и аристократическими традициями шла и та часть недворянского общества, которая имела в ближайшем будущем либо обслуживание этой части дворянства, либо тенденцию к ассимиляции с ней на почве хозяйственных и правовых отношений. Конституция нужна была как удобная платформа для политической деятельности, от которой мелко-буржуазное дворянство было оттерто более крупной его частью. По силе выражения и численному составу эта либеральная группа была весьма многочисленна, но в области идеологической она во многом уступала более левой буржуазно-демократической группировке, возглавляемой Чернышевским, идейным органом которой были „Современник", листок „Великорусс", а активно-действенным— организация „Земля и Воля". Если Герцена можно отнести к утопическим социалистам, если социализм Герцена был весьма условным термином, то Чернышевский и его сторонники ушли далеко влево. Социальная база этой группы—мелко-буржуазная интеллигенция, „разночинец", студент-семинарист, чиновник и ремесленник. Эта группа—спутник промышленного капитала, детище главным образом России первой половины 19 века, переросшее уже сословные традиции, стремящееся слиться с той частью крестьянского населения деревни, которая оказалась наиболее крепкой после экспроприации крестьянских земель и шедшая по пути создания „крепкого" хозяйства. Этим буржуазно-демократическая группа резко отличалась от всех рассмотренных нами группировок, идеологически она была чрезвычайно сильна, для правительства и крупной буржуазии безусловно вредна, и даже больше, чем Герценовский „Колокол"; но слабость ее

заключалась в том, что она имела вполне реальную базу лишь среди интеллигенции и, главным образом, городской или иначе говоря „просвещенной части нации“ [1]). К этой демократической группе присоединялось подавляющее большинство интеллигенции, особенно с 60-х годов, когда к демократам перешла та часть либералов, которая не была удовлетворена слишком умеренными тенденциями Герцена после крестьянской „реформы“.

Наконец, нам надо отметить последнюю группировку — социалистическо-народническую, правда, только еще нарождавшуюся в столичных университетах среди демократического, бедного и разночинного студенчества. Группировка эта уже в 1861 году возглавлялась поэтом Михайловым и известна под именем „Молодой России“. Под влиянием усиливающейся университетской реакции при министре просвещения Путятине рост этой революционной группировки сильно форсировался. Недовольство университетскими порядками, недовольство проэктом крестьянской реформы, а после ее обнародования распространившиеся восстания крестьян, разговоры о конституции — все это толкало молодежь на наиболее крайние революционные убеждения, меры и действия „Молодое поколение“ уже в 1861 г. призывало к революции, тогда как демократы — только к подготовке к ней, не говоря уже о более правых (Герцен, напр., представлял революцию в виде нежелательной пугачевщины и стращал ею самодержавие, вызывая его на более радикальные мероприятия). Революционная программа „Молодого поколения“ — национализация земель, фабрик и заводов, уничтожение сословий, выборность всех чиновников, не исключая министров, созыв учредительного собрания, наделение землей безземельных и горожан. Ярко выявлена и революционная тактика, в основу которой положены пропаганда и конспирация. Если же мы обратим внимание на социальную базу, таковой должна была быть, но еще не успела создаться, — угнетенное крестьянство прежде всего, а вместе с ними угнетенные, главным образом, экономически и представители всех прочих сословий.

Общественные группировки и настроение крестьян в Каз. губ. к 60-м годам.

Подобная классовая дифференциация „общества“ 60-х годов является, конечно, типичной и для Казани и для Казанской губ. Касаясь действительности и казанских деталей в классовых взаимоотношениях, необходимо указать, что правительственная группа среди дворянства, бюрократии и профессуры была наиболее сильна; в Каз. губернии не было и крупных земельных латифундий, за исключением 3—5 случаев из 800, не было и крупных представителей промышленного капитала, господствовало, главным образом, среднее дворянство и, господствуя, давало тон всем проявлениям жизни „высшего“ общества.

Но рядом с этой правительственной группой была очень сильна и мелко-буржуазная, либеральная и демократическая группы. К либеральной относились, главным образом, дворянская „мелочь“, к демократической же — часть студенчества, учителей,

---

[1]) Этим мы нисколько не умаляем отношений Чернышевского к крестьянству, которое он признавал за огромную силу, но не революционную с точки зрения „просвещенной части нации“, а проникнутую анархическими тенденциями, вследствие чего ему и пришлось уговаривать крестьянство не начинать частичных вспышек, а копить энергию для всеобщего восстания повидимому, с „просвещенными“ вождями во главе.

офицерства и чиновничества (о купцах и ремесленниках этого еще сказать нельзя, ввиду полного отсутствия материалов, что, может быть, будет восполнено дальнейшими архивными изысканиями).

Что касается, в частности, Казанского Университета, то, по словам Муравского, студенты—„аристократы" „подавлены несравненным большинством демократов",[1]) принадлежащих частью к группе Чернышевского, частью было левее его, впоследствии примкнув к землевольцам, развернувшим в Казани деятельность более агрессивную, чем в центре России, особенно в 1863 году, в год польского восстания.

Самое же яркое явление казанской действительности—миллионное крестьянство, а среди него помещичьи и инородческие казенные крестьяне, среди которых наблюдалось нетерпеливое ожидание и воли и земли, наряду с затаенной ненавистью к помещикам, которые способны были украсть и то и другое, а слухи о „работах" губернских комитетов по улучшению быта крестьян были тому порукой.

Среднее и мелкопоместное дворянство должно было ухватиться за возможность удержать в своих руках земли, если нельзя уже было удержать крепостных; казанское дворянство не хотело лишиться и случая подороже продать крестьянам ту свободу, вместе с „кусочками" и „песочками", от которых крестьяне быстро попали в новую кабалу. Губерния была земледельческой с экстенсивным хозяйством по преимуществу. Неизвестно, как предполагалось ограбить крестьян; последние об этом знали больше чем мы, но в результате крестьянской реформы помещичьи крестьяне в большей части Казанской губернии лишились в среднем свыше 40% земли, которую обрабатывали, пребывая в крепостной зависимости.

Из этого краткого обзора видно, насколько резки были классовые взаимоотношения в Казани и Казанской губернии; отсюда ясно, что и отношение власти к „вольнодумцам" и демократам должно быть и было более нетерпимо; эта нетерпимость усиливалась еще и тем обстоятельством, что Казань с губернией являлась сильным административным, военным и культурным центром Камско-Волжского края, в то же время весьма беспокойным тылом не только в силу экономических причин, но и вследствие национальных взаимоотношений.

К тому же, если в столицах шло преследование всех, склонных мыслить не по Кавелину, но по Герцену, то тем более этого надо было ожидать в Казани, куда уже снаряжались из центра следственные комиссии, ревизоры и карательные экспедиции, тем более, что экспроприация крестьянских земель дворянством намечалось в весьма широких размерах.

Щапов как историк.

В такое время чрезвычайного напряжения и обострения классовых отношений появляется в Университете А. П. Щапов, как историк и общественный деятель. Как историк он выдвигает лозунг—изучать не историю царей, не историю развития самодержавия, но историю народа. Изучать же историю народа он намерен так, чтобы проявилось целиком и значение областей, составляющих территорию Российского Государства. Ставились им на первый план такие факторы народной жизни, как

[1]) Былое, 1907, кн. 1, стр. 202.

земское народосоветие, земское устройство, значение колонизации, идея историко-этнографического образования различных частей России; принцип областной самобытности занимал первое место. Все эти планы были изложены во вступительной лекции, прочитанной Щаповым 12-го ноября 1860 года. Как будто все эти взгляды Щапова на ход и построение истории России шли в разрез с видами правительства, старавшегося насаждать знания, руководясь девизом „православие, самодержавие и народность", причем областническая тенденция допускалась в об'еме не более, чем у Костомарова. Но власть еще не сразу могла разобраться в направлении, взятом Щаповым. Не разобрал сразу и кн. Вяземский, попечитель учебного округа, аплодировавший Щапову после лекции; но все таки предупредительные меры были приняты, возможно, после нескольких совещаний, в результате чего, вступительная лекция не была допущена к печатанию. Предусмотрительность была внушена, конечно, студентами, слишком непосредственно выразившими симпатии свои Щапову; а мы знаем, что студенты у начальства были на подозрении. К тому же, ведь Щапов пришел из Духовной Академии, из такого учреждения, где, казалось бы, очень мало места для научной работы „вольнодумцев", да и профессура Казанского Университета как будто по своему составу не далеко ушла от рясофорных профессоров Духовной Академии; так почему же Вяземскому надо было воздерживаться от поощрения молодого ученого, искреннего и красноречивого оратора, ведь программа всегда может быть введена в процессе ее выполнения в „соответствующее намерениям правительства" русло?! Щапов продолжал свою научную работу уже в Университете, в результате чего мы наблюдаем большой шаг вперед в научном изучении и построении Истории России. Тут вполне отразилась уже переживаемая эпоха, прошедшая через призму классового происхождения самого Щапова и его интеллектуального развития. По выражению Покровского,[1]) Щапов „был мелко-буржуазный интеллигент крестьянского происхождения, и не случайно, что помещик Чичерин создал барскую теорию истории, а мужик Щапов--мелкобуржуазную теорию русской истории", вначале, правда, еще пропитанную идеализмом, создавшимся несомненно на почве славянофильства, но впоследствии этот идеализм уступил место материализму. Можно сказать, что попытка Щапова была единственной в своем роде, а вследствие того, что она далеко шагнула вперед и оставила за собой дворянскую историю, правительство не могло долго терпеть этого и, рано или поздно, оно должно было наложить свое veto.

Кроме того, Щапов не ограничивался курсами по древней русской истории, быстро перешел на новую русскую историю, а это не могло его не толкнуть и на дальнейшее: очень близко подойти к современности. Да Щапов этого и не избегал, он сам шел впереди всех, вопреки всем научным традициям эпохи. Ничего мудреного нет, что современность, освещаемая ex cathedra, заставила так или иначе реагировать представителей „академической семьи", в результате Щапову было приписано вредное для науки увлечение современностью. Даже биограф Лучинский не свободен от предвзятости, когда пишет: „В ту пору всеобщего увлечения политическими вопросами, увлекся ими и Щапов, неудивительно, что наряду с курсами о древне-русском миросозерцании, он стал читать курс новой русской истории" [2]). Так Лучинский

[1]) Покровский, „Борьба классов". 1924 г. стр. 51.
[2]) Щапов, сочинения, т. III стр. XXXIV.

писал в 900-х годах. Но если мы возьмем другого биографа, и постарше и более раннего, Аристова, так он, негодуя на Щапова за его слишком „свободные чтения", с особым оттенком сарказма ученого обвиняет Щапова так же, как обвиняют в колдовстве деревенских бабушек: „опасаясь слишком увлечься на поприще свободных чтений открыто в аудитории, пишет Аристов,—он (Щапов) иногда в угоду студентам писал лекции *особого приготовления и оттенка* (курсив наш Е. Ч.) и читал их на сходках"; да и вообще „во всех своих лекциях и статьях, продолжает биограф,— старался проводить идеи о современных преобразованиях и стать публицистом" [1]).

Итак, что в настоящее время является почти обязательным, 65 лет тому назад было необычным, подозрительным, даже крамольным. Но для нас тем важнее подчеркнуть эту новость, особенно как наблюдаемую в то время в рамках казанской чрезвычайно мрачной действительности, как мы отмечали выше. С научными взглядами Щапова мы еще встретимся ниже, теперь же перейдем к следующему вопросу.

Щапов как общественный деятель.

Щапов не только стремился „стать публицистом", но он таковым был, и был не только публицистом, но и общественным деятелем. В пределах легальной общественной деятельности Щапов был сильно заинтересован в организации воскресных школ, в которых преподавателями были студенты, которые открывались и функционировали на общественные пожертвования и которые работали значительно лучше министерских школ, что подтверждается количеством учащихся, превосходящим министерские школы в 5 и 10 раз. Так Муравский в письме от 7 февраля 1861 г. пишет: „Профессор (Афанасий Прокофьевич) Щапов хочет учредить там (в Казани) общество для распространения грамотности посредством учреждения крестьянских даровых библиотек, школ для приготовления сельских учителей". Материальная база была им найдена: купцы „обещали уже свои капиталы", кроме того была надежда собрать с крестьян по 1—2 копейки с души" [2]). Это уже не кустарничество, не линия наименьшего сопротивления, а довольно внушительная организационная работа. Правда Щапов ничего существенного сделать не успел, т. к. был выслан из Казани, но все же у нас нет других примеров столь горячего участия среди профессуры Университета в деле пропаганды научных знаний. Да и ничего в этом нет удивительного, т. к. эти школы были под сильным влиянием „вольнодумцев" и в силу этого не особенно поощрялись правительством, а мы знаем, что других „вольнодумцев" в Университете, кроме Щапова, было незаметно.

Его выступления перед студентами с докладами и лекциями на современные темы занимали весьма видное место в его работе. Причем, надо иметь в виду, что Щапов давал чрезвычайно глубокую оценку современных событий; да и едва-ли оправданием правительственной политики можно было чего либо хорошего достичь, тем более среди демократического студенчества.

Его выступления клонились больше в сторону критики правительственной деятельности с точки зрения демократа, находящегося под сильным влиянием Черны-

---

[1]) Аристов, А. П. Щапов (жизнь и сочинения), стр. 62, 64.

[2]) Былое, 1907, кн. I, стр. 200.

шевского Только на этой позиции Щапов мог быть „кумиром“ студентов, как называли его биографы; только при этом условии его идеи были „симпатичны народу“, по словам не раз цитированных писем Муравского [1]). Об этих идеях мы скажем подробнее ниже, когда будем рассматривать его лекцию о конституции.

Ко времени пребывания в Казани относится его выступление на панихиде по убитым в с. Бездне крестьянам. Этот факт должен быть поставлен чрезвычайно высоко, поскольку мы будем учитывать в целом ту обстановку в Казани, которая нами была обрисована выше. Однако Щапов и здесь остался на высоте своего положения и сказал то, что должен был сказать мелко буржуазный интеллигент—демократ, не страшась неприятного будущего.

„Земля, говорил Щапов,—которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность, и которая приняла вас мучениками в свои недра,—эта земля воззовет народ к восстанию и к свободе... Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция! [2])“ Эта часть речи, недавно опубликованной, говорит за Щапова, не только как за представителя оппозиции, но как за революционного демократа, и не нуждается в комментариях. Финал этого выступления — высылка Щапова из Казани и крупные разговоры в обществе и среди демократического студенчества, очень тепло проводившего его из Казани в „ученую командировку“, не зная еще об его предстоящем аресте.

Если мы еще напомним, что причиной высылки Щапова из Петрограда в Сибирь была прикосновенность его к делу о лицах, имевших сношения с Лондонскими пропагандистами 1862 года, в частности с Кельсиевым [3]), то мы можем категорически сказать, что в лице Щапова мы видим, действительно, типичного представителя революционной мелко-буржуазной интеллигенции и наиболее активного ее деятеля в области пропаганды и агитации в начале 60-х годов прошлого столетия.

Политические взгляды Щапова.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о его политических убеждениях. Из изложенного уже нами ясно видно, что Щапов, демократ по происхождению, на первый план выдвигал крестьянство, как полноправный класс, хотя и „невежественный“ рядом с „культурным“ дворянством, и креетьянскую поземельную собственность; затем Щапов видел в крестьянстве, проникнутом тенденциями мелкой собственности, могучий революционный класс, идущий к восстанию против феодалов-помещиков и к свободе. Роль интеллигенции, по Щапову, сводилась к обеспечению победы крестьянской революции путем поднятия культурного, а впоследствии хозяйственного уровня крестьянства. Этими воззрениями он очень близко соприкасался с нарождавшимися землевольцами с одной стороны и с Чернышевским—с другой. Подтверждением этого служат как указания его биографов [4]), так и то обстоятельство, что такое сочинение как „о конституции“ лежало в одной папке с прокламацией

---

[1]) Былое, 1907, кн. I, стр. 217.

[2]) „Красный Архив“, т. IV, стр. 410.

[3]) Былое, 1906, кн., X, стр. 106 и кн. XI, стр. 209—210.

[4]) Лучинский, I в., стр. LV—LVI; Покровский, Борьба классов, 46—51.

землевольцев, принадлежащей вольнослушателю Университета [1]). Теперь обратимся к самому источнику—вновь найденным его сочинениям.

Общий взгляд на историю великорусского народа.

Вступительная лекция Щапова, читанная им в Университете 12 ноября 1860 г. до сих пор не напечатана целиком, хотя у историков и была к тому возможность [2]).

Вполне возможно, что причиной этому в царское время послужили цензурные условия, т. к. цензора не могли пропустить крайне нелестных для господствовавшего дворянства эпитетов, с другой стороны—отдельные места этой лекции вошли в другие сочинения Щапова и в более лучшей обработке, с третьей стороны—для эволюции научного мировоззерцания Щапова эта лекция давала недостаточно необходимого материала О научной концепции, о научном построении и обосновании общего взгляда Щапова на развитие народа не обращали достаточно внимания, как не обращали внимания на отражение в этой лекции слишком шумной действительности начинающихся 60-х годов XIX века.

Между тем, эта лекция дает громадный материал для многих вопросов, связанных с деятельностью Щапова и как историка и как общественного деятеля. Как историк, Щапов обнял в своем обзоре весь период русской истории до 50-х годов 19 века включительно; это чрезвычайно важное обстоятельство для эпохи 60-х годов; в этом отношении Щапов явился пионером, он первый стал изучать историю России *для современности, для более глубокого ее понимания.* Кроме того, молодой историк совершенно порвал с „государственной" историографией и ее представителями в те годы, с Соловьевым и его последователями выдвинув историю народности и областности против истории царей, самодержавия с централизмом и государственности. Далее: говоря о неудачных попытках дворянских и аристократических революций, анализируя их, Щапов выдвигает, как гарантию успеха, необходимость контакта и тесного союза общества и народных масс. В лекции „о конституции" этот момент выражен более настойчиво и отчетливо, но и здесь эта мысль получила обоснование. Во всяком случае тактические перспективы в постановке Щапова были не в интересах дворянства, но отъюдь не игнорировали современные Щапову общественные течения. Наконец, вся история народа представлена Щаповым борьбой широких народных масс и областей с Государством, централизмом, аристократизмом и олигархией. Таковы—главнейшие тезисы, выдвинутые Щаповым во вступительной лекции. Неудивительно, что лекция до сих пор лежала в архивах и не видала света. На ряду с этим, в лекции обоснованы наиболее важные вопросы истории, как-то: периодизация истории, строго согласованная с общими принципами построения истории народа; сущность исторического процесса; следствия московского и петербургского централизма;

---

[1]) По существу Щапов отличался от Чернышевского в вопросе о социальной базе, которую Щапов видел в крестьянстве, а Чернышевский—в интеллигенции.

[2]) Проф. Н. Фирсов еще в 1889 г. в „Русской Старине" указывал, что у студента Феодосия Некрасова, привлеченного следственной комиссией, изъят из бумаг и приложен к делу список вступительной лекции Щапова. („Русская Старина" 1889 г кн. VIII, стр. 425); следовательно Лучинский мог бы достать и дополнить ею—собрание сочинений Щапова.

политическое саморазвитие общества и народа; характер просвещения и политика его, развитие идей конституционализма, вопросы колонизационной политики и т. д.

Во всяком случае, современный историк подойдет ко взглядам Щапова, да к тому же высказанным на заре его научной деятельности, с уничтожающей критикой: что Щапов лишь очень туманно различает классовую группировку даже конца 18 века, что он неправильно освещает причину конституционных стремлений дворянства, а так же в области самоуправления, что он идеализирует средневековые институты (вече, соборы и советы), что не всегда точно трактует колонизационный процесс и образование великорусского народа и проч. Конечно, и это полезно, и это развивает и углубляет анализ сочинений Щапова. Но все же в центре нашего анализа скорее станет вопрос об отражении эпохи 60-х годов в сочинениях Щапова и о том, насколько Щапов перерос господствующие взгляды и направления своей эпохи и в чем это выразилось. И это—главная задача нашей современности, производящей переоценку всех ценностей культурного наследия прожитых эпох, т. к. авторитет Щапова и как ученого и как общественного деятеля достаточно высок, чтобы пройти, не заметив этой личности.

Лекция „о конституции"

Лекция „О конституции" является ответом на те запросы студентов по вопросам современности, по которым Щапову приходилось „особо" готовиться; эта лекция не стояла в ряду лекций по новой русской истории: он пришел к студентам на беседу, чтобы высказать свое мнение о конституции, составляющую одну из многих „исторических дум" для „друзей русского просвещения"

Значение этой лекции определяется следующим: а) она дает прекрасный материал для освещения вопроса об одном из крайних левых направлений общественности в начале 60-х годов в Казани, в) лекция представляет и автобиографический интерес для более полного освещения личности Щапова как историка и общественного деятеля, очень большого авторитета в глазах всего казанского общества и особенно демократического студенчества, с) указанное ставит эту лекцию на положение весьма ценного научного материала в деле изучения общественных течений и классовых взаимоотношений.

Сконструирована лекция очень удачно, если принять во внимание ее назначение; и историческая и публицистическая ее части одинаково сильно действуют на читателя необычайной искренностью и силой убеждения. Вначале Щапов говорит о тяжелом состоянии духа, которое создается для общественного деятеля условиями цензуры и свободы слова; затем следует раз'яснение значения конституции при изучении различных наук и в жизни общества вообще. Этим вступлением он сразу завоевывает внимание аудитории, а связав конституционные стремления современности с необходимостью исторического самомознания, Щапов указывает несколько принципов, которые он считает или зародышами конституционализма в древней Руси или его необходимым условиями. Эти принципы, по Щапову: 1) земская областная самобытность, 2) земское народосоветие (земские советы, вече, соборы, гласность), и 3) поземельная система обложения, вместо подушной. Представив историческую эволюцию

этих жизненных зародышей конституционного строя, он переходит к крепостному праву, заслугам крестьянства в исторических судьбах России и, указав в выпуклых образах настоящие условия жизни крестьянства, он заканчивает историческим обзором народных бунтов и восстаний за свою свободу против помещиков, чиновников и дворянской аристократии в целом. Уже эта схема дает представление о том, что интересы крестьянства должны быть положены в основу конституционного строя, что последний может быть гарантирован лишь новым всеобщим крестьянским восстанием, которое „нестолбовые дворяне и чиновники", по выражению Щапова, или иначе, вся демократическая интеллигенция, должна учесть и в борьбе за свободу идти с крестьянством и со всеми угнетенными по одну сторону баррикад, под руководством вождей этого угнетенного большинства.

На одном из списков этой лекции стоит дата 28 ноября 1860 г.; это дает нам право предполагать, что лекция прочитана Щаповым вскоре после вступительной лекции, тем более, что Аристов относит „Ученую беседу", являющуюся легальной переделкой лекции о конституции, к началу 1861 года.

Е. Чернышев.

I

Общий взгляд на историю Великорусского народа.

Вступительная лекция, читанная А. П. Щаповым в Казанском Университете 12 ноября 1860 года.

I.

Милостивые Государи!

Скажу наперед: не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на университетскую кафедру русской истории.

В настоящее время, кажется, уже утвердилось убеждение, что главный фактор в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю, что сущность и содержание истории—есть жизнь народная.

Это убеждение теперь не ново, его начали проводить, осуществлять и в науке русской истории. Но вот другое начало, которое еще не сознано ясно в нашей науке: *начало областности*, позвольте мне его так выразить. У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации, развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории; все разнообразные особенности, направления и факты провинциальной исторической жизни подводились под одну идею государственного развития. С эпохи утверждения Московской централизации в наших историях все общее и общее говорится о внутреннем быте различных провинций; нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографические, бытовые и экономические особенности областей; не изображаются моральные, политические и физико-географические условия их внутреннего развития и быта; местное саморазвитие, внутренняя жизнь областей оставляются в стороне, а вместо того на первом плане рисуются действия государственности, развитие единодержавия, централизации. Между тем, нам кажется—ни в одной европейской истории так несвойственно, невозможно подобное изложение, как в истории обширнейшего в свете государства русского.

Русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации[1]). Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации. Разнообразные областные летописи долго будут повествовать вам про вековую, особую, самобытную, раздельную жизнь и взаимную борьбу областей. Потом московская летопись заговорит о развитии государственной географической централизации московской, а в общинных летописях раздается самый энергический протест, вопль областных жителей против *насилия москвичей*, против централизации, против *собирания русской земли*. Так областной элемент был самым жизненным, господствующим началом, главным мотивом исторического движения до централизации; он выдержал энергичную вековую борьбу с соединительной, централизующей силой государства; он многозначительно выразился в смутное во время этой великой розни областных общин, проявился в земских соборах, XVII века, сказался в разнообразных областных бунтах, демократических и инородческих, наделал чрезвычайно много хлопот правительству в течении всего XVIII в. и начале XIX столетия—во время этой длинной процедуры учреждения губерний и провинций, возбудил в либеральных умах, в знаменитое время тайных обществ, разные планы и проэкты конституционного устройства областей и т. д.[2]). И мы, изучая русскую историю, оставляем почти без всякого внимания этот областной элемент, сколько загадочный, столько же, быть может, зиждительный, плодотворный элемент нашей будущей цивилизации. Русская история, основанная на идее централизации, исключающая идею областности, есть тоже что отрицание существенного жизненного значения областей, как разнообразных органов в составе и развитии целого политического организма всего народа. А кто не знает, что без знания устройства и отправлений различных отдельных органов тела, невозможно понять жизни и отправлений (различных органов) целого организма? Так точно и без знания разнообразной историко-этнографической организации, характера понятий, воззрений, верований, сочувствий и антипатий областных масс народных невозможно полное и отчетливо-ясное понимание русской истории. Невозможно тем более, что слишком многосложен историко-этнографический строй наших многочисленных и обширных областей.

---

[1]) С самого начала до сих пор с редакционными поправками все это вошло в работу „Великорусские области и смутное время напеч. впервые в конце 1861 г. в „Отечеств. записках" (См. полн. собр. соч. I, 648).

[2]) Срав. „Великорус области и смутн. время", собр. соч. I, 649—650.

Как нет в Европе самого малого государства, которое бы едва могло равняться с одной из областей России, как нет в Европе города, который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народ обитающий в разных русских областях. Много ли общего, например, между Малороссийским, Белорусским и Сибирским народонаселением? Много ли общего между Польшей и Камчаткой, или между Кавказом, Архангельской областью и Казанским краем и т. д. А разнообразные областные наречия, из которых составился особый, целый словарь? Все эти юмористические присловия, которыми так метко и согласно с историей характеризуют у нас жители одной области жителей другой? А существование территориальных округов, совершенно независимых от округов административных, отличные нравами жителей, языком, промыслами и т д.— все это так выразительно, так реально рисует нашу обширную Россию во всем историко-этнографическом разнообразии ее многочисленных областей. И в науке русской истории доселе не было об'яснимо, отчего образовались такие областные особенности, какое они имели значение в истории, не говорим уже о том, какое значение они имеют. или могут иметь в приложении к законодательству, к администрации, к народному материальному и нравственному быту и т. д. Уж в первой четверти нынешнего столетия не только люди народа, их лучшие государственные мужи сознавали и оффициально высказывали убеждение, что должны обратить полное внимание на совокупления права многих и великих областей, составляющих обширную Российскую Империю, что законодательство должно вполне соответствовать всем выгодам местного положения различных областей и главному характеру народов, населяющих эти области. Если когда, то особенно в настоящее время науке русской истории необходимо, существенно необходимо, уяснить историю, дух, характер и этнографические особенности областных масс народных. И весьма утешительно, что в последнее время, кажется, и в самых провинциях стала пробуждаться потребность самопознания.

По крайней мере отрадное явление представляют мало по малу возникающие в нашей провинциальной литературе областные сборники, историко-статистические описания губерний и провинций и издания областных актов и памятников. Областные хроники могут служить не только руководствами нашего областного самопознания, но и средствами возбуждения в провинциальных массах идей политического самопознания и саморазвития в составе целого государственого союза [1]).

И так с мыслью об областности и народности я избираю для своих чтений историю великорусского народа, или великорусских областных общин в связи с Сибирью. Здесь, в великой России был

[1]) Сравн. с лучшей редакцией „Велик. области и смутное время“ (Собрание сочинений I, 652—653).

центр исторической борьбы и областного элемента и народности с централизацией и государственностью; здесь решалась судьба всех многочисленных, обширных и разнообразных областей и сосредоточилась их новая историческая жизнь, государственно-союзная, и, если можно так выразиться, здесь сковывается, держится будущее наших областей. Кроме того, в этой части русской истории есть много таких важных, первоклассных вопросов, которые доселе ждут еще исследования, как, например, вопрос о колонизации и значении ее в русской истории, или хотя тот современный вопрос об историческом значении Московской централизации и т. д.

Без дальнейших предисловий спешу сообщить вам общий взгляд на историю Великорусского народа до централизации и после централизации областей.

II.

Когда мы говорим—история великорусского народа, то у нас прежде всего рождается вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда, обозревая полный цикл фактов ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться на площади русской земли с многочисленными, разнообразными племенами финскими и туркотатарскими, которые доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народоселения? Будет ли та история одного Великорусского народа, когда мы неизбежно будем говорить о целых царствах инородческих, напр , Казанском и Астраханском, наряду с новшествами русскими и Государством Московским?— Далее, когда мы говорим: *дух характер*, миросозерцание, идея русского или великорусского народа, то невольно представляется другой вопрос: да есть ли, образовался ли единичный, цельный тип великорусской народности, чтобы можно было об ней составить единичную, цельную, возможно полную и отчетливо ясную идею? Чистая ли славянская кровь течет в жилах Великорусского народа? Не составляет ли он амальгаму, или органическое порождение различных народных элементов? Вот вопросы, которые требуют предварительно установить ее главную идею, смысл истории великорусского народа.

Представьте, по летописи, карту нынешней Великоруссии, до начала истории или до основания великого Новгорода—первого Славянского города в северо-восточной России. Вы увидите на этой карте только два данных для истории: *землю великую и областную* да *Чудь*, т. е. различные чуждые славянам финские племена. Откуда же взялся и как образовался Великорусский народ? или говоря словами: *откуда есть пошла русская земля и откуда есть стала русская земля на северо-востоке Европы?*

Летопись с самых первых страниц отвечает на этот вопрос повестью о славянской колонизации среди чуди финской и о постепен-

ном соединении славянского племени с финскими племенами. Первый результат их соединения выражался в единогласном призвании князей. Последующие акты и памятники раскрывают нам самый исторический процесс того, как финская народность постепенно ославянилась и входила в органический состав великорусской народности, и как великорусская народность исторически последовательно образовалась вследствии постепенного органического соединения славянского парода с финскими племенами. Этот процес славянской колонизации и последовательно историко-этнографического образования великорусского народа проходит через весь многосложный цикл ее истории, непрерывно свершался в древней и совершается еще в новой истории. Только до XVI века он преимущественно совершался на финском северо-востоке. А в XVI в. и особенно в XVII и в XVIII столетиях, со-времени покорения царств Казанского, Астраханского и Сибирского славяно-русская колонизация получила господствующее преимущественное направление на Юго-Востоке, в стране Турко-татарских племен. И здесь также вследствие славяно-русской колонизации стал совершаться историко-этнографический процесс нового нарождения великорусского народа посредством принятия в массу его, посредством органического слияния с ним, элементов турко-татарской народности.

И так, первый основной вопрос—*о славянской колонизации финской и турко-татарской страны*; основная идея истории великорусского народа есть идея *историко-этнографического образования и земского устройства великорусского народа*, вследствие славянской колонизации среди финских и турко-татарских народностей. Эти начала доселе не имели в нашей науке надлежащего места, между тем они об'ясняют нам русскую историю в самой основе ее и во многих отношениях совершенно с новых сторон.

Уясните вы еще вопрос о первоначальном размещении славянского племени в финской стране, вопрос о славянской колонизации—вы тогда уясните себе историю земского устройства древней России, географическое и территориальное распределение народонаселения в таких или других областных ассоциациях, раскроете себе историко-географический строй, основу областного деления древней России. Наконец, вы тогда поймете почему первая форма общественной жизни в древней России была земско-областная, и почему это народно-областное начало так долго и упорно не подчинялось государственному началу Московской централизации. Далее если вы уясните себе историко-этнографическую организацию великорусского народа, различные соединения, комбинации народных элементов путем славяно-русской колонизации в различных областях, то вы уясните себе и дух великорусского народа, его умственную жизнь, его миросозерцание, и отсюда уже об'ясните и особенность его политического, административного, материально-бытового устройства, его моральную

настроенность, нравы и обычаи и, наконец, из всего этого вы поймете и мотивы и значение всех его политических правлений и движений. А затем уже из самой сущности предмета, из идеи историко-этнографической организации—дух и характер великорусского народа; из его политических движений и проявлений, вы естественно, логически выведите и начала для деления истории великорусского народа.

Вам известно, что в этом отношении современные наши историки Соловьев и Костомаров расходятся между собою. Соловьев не признает племенного деления в Русской истории, а систематизирует факты, обобщая их в идее государственности, строго преследуя эту идею в последовательном порядке княжений и царствований. Оттого сия история, несмотря на все огромное научное значение ее, больше — биография царей и князей, а не всецелая биография или история народа. Костомаров, напротив, приняв за основание деления идеи народности, находит в истории русского народа два условия: удельно-вечевой и единодержавный. Но и это деление, нам кажется, не вытекает вполне из идеи народности, а сближается с идеей государственности. Определение удельно-вечевого уклада не обнимает всех сторон фактов народной жизни до единодержавного уклада. А единодержавный уклад, может быть, допущен только в истории государства, а не в истории народа: идея единодержавности не заключается в понятии народности.

Я, с своей стороны, понимая русскую историю не иначе, как в смысле истории народа, осмеливаюсь предложить вам на суд несколько своеобразное деление. В настоящей задаче своей обобщаю всю совокупность многоразличных фактов истории великорусского народа, и в частности принимаю за основу земельно областное устройство великорусского народа, моральный характер сих областных масс, борьбу областного элемента с централизацией и государственностью; наконец, изображая дух, образ и направление *политической самостоятельности народа* в известные исторические эпохи,—я нахожу два главных разделительных момента, или лучше сказать, две формы общественной жизни великорусского народа: *земельно-областную и государственно-союзную*. Разделительною гранью этих двух исторических форм народной жизни я признаю смутное время, т. е. от 1601 до 1613 г. В это время произошла последняя разрозненность областей в борьбе с централизацией или, по выражению актов, усилилась *рознь всех великих царств и государств великого Московского царства*. И, наконец, в это время области, после 7 летней розни соединились между собою, окончательно вступив в новую *государственно-союзную форму быта*.

Таким образом, первая земская областная форма исторического развития великорусского народа, начавшись со времен основания

областей, простиралась до эпохи Московской централизации—„*собирания русской земли*“ и в смутное время; с 1613 г. окончательно стала разлагаться под влиянием централизации. Эта форма народной жизни сложилась естественно, вследствии славянской колонизации или земского территориального размещения славянского племени в финских областях, главным образом, по речным системам. Вследствие колонизационного земского устройства областей, земля составляла фонд, основу различных областных ассоциаций, народоселений, всего общественного строя областей и самой гражданственности. Все области назывались *землями*, гражданственность, общественное устройство их называлось *земским устройством*, жители областей назывались *земскими людьми* Общественные юридические собрания областных жителей назывались *земскими советами*.

Вот почему я называю эту первичную форму народной жизни *земско-областной*. Факты, характеризующие историческое развитие этой народно-областной формы земского устройства великорусского народа, такие: первоначальное земское, территориальное устройство, основание областей, постепенное этнографическое претворение финских народностей в плоть и кровь славянской народности, и, вследствие того, организация великорусской народности, развитие этнографического разнообразия и составности областных масс народа, стремление всех областей к земской особности, самобытности, раздельности, стремление к территориальному саморазвитию, их хозяйственно-промышленному самоустройству, развитие земского народосоветия в форме веч, перевес обычая и воли живого народа над постановлением, преобладание областной народной уставности и отсутствие общего законодательства, отсутствие сословности и полная свобода промыслов и занятий, полное развитие в народе колонизационного духа, движение, брожение, простор воли и пр. и пр.

Из этих главных характеристических начал народно-областной формы проистекали или в них заключались все прочие характеристические особенности, признаки первичной организации великорусской народной жизни. Вследствие господства народоправления, то и дело колокол вечевой созывал народ на вече; на земских советах и городовых беспристрастно раздается шумный голос областных людей. По неумолимому решению вече, князь, архиепископ, боярин, посадник—беспощадно изгоняются толпой из городов; князь не дает закона, воля народная—закон. Всякая единичная власть несносна, ненавистна для областных общин: в XVI в., когда уже значительно развилась централизация и единодержавие торжествовало, в XVI в. земские люди во всех областях отдаются под суд княжеским наместником, бьют их беспощадно, а северные областные общины северодвинской системы, все одна за другой вытребовали себе у грозного царя прежнее право самоуправления. При земском самоуправлении

повсюду в средние века областные области стремятся к земскому самоустройству, к расширению и заселению своей территории. Вследствие колонизационного саморазвития областей, в народоселении их господствует общее стремление к так называемым в актах *займищам;* все стремятся как можно более занять земель, лесов, вод и прочих угодий и заселить их До XVI в, даже XVII столетия повсюду видим починочный характер культуры, видим энергическую работу русского народа в лесах девственных и неприходимых с *топором, косой и сохой* по обычному выражению юридических актов. Повсюду идут вольные порядные в крестьянство на поселение, повсюду, по выражению актов, „лес секут, пожни и пашни чистят, делают разделы, расчистни, людей называют и ставят починки и деревни в лесах". При преобладании леса над полем, починки и деревни своей бесчетностью преобладают над городами. Земско-областная Русь была Русь чисто сельская. Иностранный путешественник, видевший в Западной Европе чрезмерное развитие городов, в Восточной Европе, в России поражается слабым развитием и редкостью городов, господством сел. Вследствие хозяйственно-промышленного происхождения поселений, целых станов и уездов—земля русская повсюду, среди дремучих лесов перерезывается, так называемыми в актах хозяйственно-промышленными путями, ухожаями, или промышленными погостами в Лопи, в Чуди, в Корели и среди других финских племен. Колонизуются целые станы и уезды с хозяйственно-промышленным характером, по земледельческим путям и ухожаям, так что целые волости в них состоят из так называемых деревень—бортничных, т. е. пчеловодных, рыболовных, бобровых, сокольничьих, солеварных и т. д. Нет ни ямских, ни стрелецких, ни других казенных поселений, какие являются после. Вследствие необыкновенного развития колонизационного духа и стремления, в народе сильно развивается страсть к простору воли, к разгулу, к бродяжничеству. Новгородский ушкуйник—первый проводник колонизации, волжский низовый бегун—первый основатель бежецкой пятины, сбойчатые люди, новгородские молодцы—основатели двинских колоний,—вот типические образцы этого разгульного колонизационного духа средневековой эпохи. По причине исключительного господства непосредственно-натурального быта и хозяйства, по причине преобладания земледельческого, сельского натурально-промышленно о труда, народ совершенно не видал и не знает никаких искусственных улучшений и никаких начал высшей цивилизации и культуры. Нет ни фабрик, ни заводов, чудом кажется даже, когда в первый раз на Московской башне раздаются самозвонные часы. Старина, память старожильцев—эти заветные юридические начала судебных доказательств в тяжбах из-за земель, непосредственный дозор и мера в землевладении, куда *ходил топор, коса* и *соха,* напр. *от ели и березы по кряковистый дуб* и т. д., непосред-

ственно-натуральное измерение, напр., *стрелянием лука* или *вертением камня*,—вот самые нагляцные характеристические черты непосредственно-натурального, народного, областного быта.

Вследствие перевеса побуждения над законом и полного господства частного права, в областях господствует сильное стремление к занятию чужих земель и похищенью чужого имения, к порабощению людей свободных, по словам юридических актов: „*вечно ин у иного землю переорет, луг перекосит, ловлю переловит*“, и т. д., одним словом—сильный преобладает над слабым. Опыт мало по малу возбуждал потребность установления обычных правил порядка: областные уставные грамоты, исход обычая, копии жизни были первыми и единственными народно-областными законами. При отсутствии сословности господствовала полная свобода образа жизни, промыслов и занятий.

Крестьянин жил на посаде, в городе и занимался торговлей, а посадский, коренной жилец города, пахал пашню; сын земледельца шел в монахи, а монах жил в деревне и занимался промыслом и торговлей, плавал на нескольких дощаниках с огромным количеством соли или хлеба, для продажи в городах и селах. Мужик, едва разбиравший псалтирь, шел в попы и дьячки, а поп и церковный дьячек исправляли земские, мирские дела. Дети бояр делались архиереями. Наконец, особенно сильную, энергичную агитацию в развитии и судьбе областей имела жизнь *их на всей своей воле*, по выражению летописи. Это самое главное, самое жизненное начало земско-областной формы народного быта. Вследствие векового энергического стремления к территориальной земской особности, самобытности, вследствие вековой разрозненности земского самоуправления и саморазвития, области воспитали в себе дух энергичного сопротивления оппозиции против всякой централизации. Историко-этнографическая централизация областных масс, разнообразная по причине сцепления, комбинации разных разнородных элементов, также приносила свою долю начал розни и антогонизма областей к централизации. И вот когда настало, по словам летописи, насилие москвичей, настала пора собирания русской земли к одному центру, к Москве, областные общины с энергическим протестом восстали и боролись против Московской централизации. Областные летописи полны такой политической свободы областей, их местного саморазвития и самоуправления; органы выражения общинного земско-областного духа, областные летописи, например, летопись Ростовская, летопись Новгородская, летопись Псковская, летопись Двинская, летопись Хлыновская и другие, подробно передали нам историю этой борьбы областей с централизацией. С каким единодушием восставали, напр., Новгородцы, когда услышали, что Московский князь обольстил Движан отложиться к Москве, обещая сохранить

их областную, земскую самобытность. „*Собрались новгородцы*, говорит летопись, *и пошли к владыке своему: не можем такого насилия терпеть от великого князя, что отнял у св. Софии и великого Новгорода пригороды и волостные наши отчины и дедины, что пошло из начала... благослови, господи владыко, пойдем поискать своих пригородов и волостей, да или найдем свою отчизну св. Софии и В. Новгороду, или головы свои положим за св. Софию и Великий Новгород!*“ И собрались и пошли [1]).

А разсказ Псковской летописи о взятии Пскова дышет самым сильным энергическим чувством областной гражданской свободы и самобытности. Вспомянув прежнюю вечевую жизнь Псковской области на всей своей воле, изобразив мрачными чертами тиранию великого князя Московского, пророчески сказав, что с расширением Московского царства уменьшатся злодейства, Псковский летописец воскликнал: „*Ох!... Увы!... вот спустили вечевой колокол и начали псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воле. И тогда отнялась слава Псковская, и был он пленен не иноверными, но своими единоверными людьми. И кто об этом не восплачет и не возрыдает! О, славнейший город, Псков великий! Почто сетуешь и плачешь? И отвечал прекрасный город Псков: как мне не сетовать, как мне не плакать и не скорбеть о моем опустении! Прилетел на меня многокрылый орел, исполненный крыл, львовых когтей и взял от меня три кедра Ливановых: вече, волю и своих посадников, и красоту мою и богатство и чад моих расхитил..... и землю нашу опустошил, и город наш разорили, и людей моих пленили, и торжища мои раскупили*“ и пр. [2]). С таким воплем области подчинялись Московской централизации.

Земская особенность, географическая раздельность, этнографическое разнообразие, взаимная политическая борьба и разрозненность, вот главные причины, почему областные общины не устояли совокупными силами против централизации. Однакож память о старой воле и самобытности, чувство неприязни, недоверия, злобы к Москве не погасли в них, а тлели и в самых развалинах их старого земского устройства, наследственная механическая связь их с Москвой могла еще прерваться при первом удобном случае. И вот в смутное время, в эпоху бедствий Москвы, когда не стало в Московском государстве царя, областные общины разрознились, замутились, но уже в последний раз. Вторжение польских и литовских людей, угрожавшее общей опасностью всем областям, исключительные притязания Московского боярства и казачества, сознание необходимости конфедеративного союза, братства областных общин,—все это побу-

---

1) Сравн. Щапова „Великорусс. Области и смутное время“ (Собр. соч. I, 657).
2) Сравн. „Великорусс. области и смут. время (Собр. соч. I, 673).

дило их снова соединиться во имя земского единства. После 7 летней розни, областные общины сами мало по малу согласились и порешили быть между собою в *любви, в союзе, в совете* и в соединении. С тех пор окончательно начала развиваться новая государственно-союзная форма исторической жизни областей, хотя и после того в некоторых из них долго не проходило „старое дурно", как говорили Московские цари в XVII веке.

Государственно-союзная форма исторического развития Великорусского народа началась со времени присоединения всех областей к Москве, с особенной силой стала развиваться после смутного времени, со времени вступления на престол дома Романовых, достигла высшего развития в царствование Петра I—в Империи, и продолжается доселе. Как там, в народно-областную эпоху, на первом плане стоял и действовал народ, земский, областной элемент был главным началом, самобытной деятельной силой общественного устройства, так теперь—в эпоху государственно-союзную, на первом плане стало государство; дух государственности и централизации мало по малу проникает всю областную народную жизнь. Государство взяло на себя всю опеку над народом, сосредоточило в себе все прежние народнообластные, земские права. Относительные характеристические черты народной исторической жизни в государственно-союзной форме следующие: развитие централизации, обобщения, сосредоточия, систематизации всех разнообразных народно-областных общественных отправлений, систематическое стремление к единообразному устройству областей и даже к уничтожению в них самых этнографических особенностей, сосредоточении всех областных народных прав и интересов в одном лице царя, который становится самодержцем *всея России*, и потому в самом титуле своем выражает власть над всеми областями, именуется царем Московским, царем Казанским, Астраханским, Сибирским и т. д. Везде получает перевес единичность, личность власти над земско-областной общинностью, во всех областях вводятся приказом государственное управление, учреждается многосложная система административной централизации и проводится из центра столицы по всем областям; начинается жизнь областей не на всей своей воле, как было прежде, а по государственным указам, развивается государственный контроль и протекционизм в жизни и деятельности; народно-областное общественное, народное право получает казенное, камеральное значение, уничтожается прежнее равенство областных городов и обнаруживается резкий контраст между столичностью и провинциализмом. Европеец, в'езжая в Россию, поражается резким различием и противоположностью города екатерининского и города до-петровского и по ним узнает различные эпохи провинциальной нашей жизни. Уничтожается прежнее законное значение людей, развиваются сословные касты и старейшинство. Вообще

тягло к государству берет перевес над личной свободой. Нет прежнего движения, брожения; повсюду в областях водворяется крепостность, оседлость, покой; повсюду по наружности, строгая дисциплина, субординация, покорность, послушание, а внутри, в духе, в нравах много недовольства, анархии, духа реакции и пр. Как эти, и многие другие начала централизации сопровождались совершенным разложением, подавлением старой земско-областной формы народной жизни. Вместо прежней вольно-народной колонизации началась государственно правительственная колонизация: вся земля стала называться теперь государевой. Потому без разрешения царя нельзя было заселить никакой пустой местности; в XVI и XVII веке из отдаленных областей шлются к царю челобитные о дозволении лес чистить, пашню распахать, двор отводить и людей называть. Вместо народно-хозяйственных, торгово-промышленных поселений, в XVI и XVII веке повсюду в областях выводятся остроги, стрелецкие слободы, сторожевые линии — военно-стратегические колонии; в XVIII веке поселяются полки по губерниям, в пригородах выводятся слободы для гарнизонных полков, ландмилиции, ландмилицкие поселения по разным линиям юго-восточной, великорусской Украйны и т. д. А кому, наконец, неизвестны эти ужасные военные колонии, которые так очернили славное в первые годы царствование Александра I? Дальше, вследствие развития государственно-географической централизации, мало по малу разрушилась, исчезла прежняя историко-географическая основа областного деления. Длинный, многосложный процесс учреждения губерний, продолжавшийся в течение всего XVIII столетия и в первой четверти XIX, представляет разительное доказательство того, как долго централизация не могла справиться с обширностью, с громадностью и разнообразием областей. Вследствие крайнего развития и полного господства в областях приказно-правительственного начала, мало по малу совсем подавлено было народоуправление областное. Напрасно областные жители в XVII в. громко протестовали против воеводского и вообще приказного управления; в XVIII веке все области были отданы в управление военным губернаторам и чиновникам; не стало в областях излюбленных старост и судей: повсюду появились вместе с губернаторами провинциальные воеводы, городовые воеводы, обер-коменданты, камергеры, ландгевдинги, ландраты, оберландрихтеры, ланд-секретари, ланд-рент-мейстеры, ланд-фискалы, кирпнавфохты и т. д. Одним словом, все губернии и провинции „чинами исполнились“, как с чувством довольства говорил Петр I-й. А провинции между тем, никогда так не стонали под игом самовластия, военно-приказного областного начальства, как в XVIII веке. Провинциальные акты XVIII столетия, мемуары в роде записок Державина исполнены рассказов об ужасных деяниях в провинциях губернаторов и всей их команды. Скоро са-

молучшие государственные люди стали сознавать тяжесть для провинций военно-губернаторского управления. Напр. в 1851 г. граф Воронцов смело протестовал против деспотизма военного управления и даже против самого учреждения для управления в губерниях. В 1856 г. министр Внутренних Дел Козодавлев тоже смело восставал против самовластия областных начальников и требовал ограничения их власти магистратами и городскими правлениями. С развитием единичной военно-приказной власти в областях, сначала воевод, потом губернаторов, ослаблялась всякая самодеятельность областных жителей в делах местных интересов, местного прогресса. Почти всякая инициатива в делах областных, в делах торговли и промышленности, в деле полезных предприятий, в деле просвещения и цивилизации областных масс стала принадлежать исключительно правительству. Без разрешения правительства нельзя было, напр., учредить в области частный банк, или основать университет. Вследствие того, сильно подавлялась, ослаблялась народно-областная жизнь и саморазвитие Рядом с централизацией, государственно-географической и административной, развилась централизация экономическая. Народно-областные доходы, посредством государственного тягла, податей и различных поборов, стягивались в государственную казну, для удовлетворения потребностей целого государства. Вследствие этого частные, областные интересы поглощались общими интересами государства.

Области взамен своих пожертвований, получили столько способов и полезных и необходимых учреждений для своего внутреннего благоустройства, развития и просвещения, для успехов своей торговли и промышленности, сколько давали в казну своих доходов. Сами же областные общины не могли свободно, без контроля и разрешения правительства, употреблять свои провинциальные доходы прежде всего и главным образом на свое местное, внутреннее обеспечение, благоустройство и саморазвитие. Монополизм, *единосложие* государственной казны парализовали народную промышленную и коммерческую деятельность. Акты XVII в. исполнены вопля областей против всепоглощающей государственной казны. В начале XVIII в. Посошков, во второй половине XVIII в. Щербатов изобразили нам раззорительность бесчисленных казенных запросов для областных народных доходов. В первой четверти нынешнего столетия Мордвинов как нельзя яснее раскрыл контраст народной экономии с государственной казной как нельзя более основательно доказывал, что главная причина растройства финансов в России — государственная казна, ее обирательная система, единоторжие и что правительство столько не дает своих доходов на полезные для областей учреждения, сколько само с них берет и пр. Следствие такового порядка— медленность провинциального, народно-областного экономического

прогресса. Вместо обычая и уставных областных грамот средневековой земско-областной эпохи, в эпоху государственности постепенно развивались общие для всех областей законы: сначала судебники, потом уложение; затем в течение всего XVIII столетия собирались комиссии для сочинения проэкта нового уложения и оканчивались ничем: „огромная сия комиссия, отвечал граф Завадовский императору Александру I на запрос о медленности комиссии о составлении законов,—огромная сия машина идет по натуре своей тихо и медленно". Общие законы не шли по многим областям, не отвечали всем условиям, потребностям и выгодам местного населения. Это начали сознавать лучшие государственные люди уже во второй половине XVIII века и в начале нынешнего столетия.

Вследствие крайнего развития государственно-правительственной опеки над народным богатством, благоустройством и самым воспитанием и просвещением в народе не развилось чувство политической свободы, самостоятельности. Не видим в нем энергической самодеятельности, прогрессивной предприимчивости; словно дитя за пестуном, он стал развивать ее, итти по указам правительства, все ждать сверху приказу, начинания; привык к какой то недоумочной жизни. Правительство взяло на себя обязанность свести русский народ с колеи первоначальной, непосредственно-натуральной культуры, научить его рациональному, искусственному производству капитала, улучшению материального быта, научало его устроять фабрики и заводы, указало ему для того европейские образцы. Зато оно взяло на себя обязанность начертывать, по словам Мордвинова, иноземные (sic?) [1]) регламенты и уставы для всякой свободной народной деятельности, для народного просвещения, для народной торговли и промышленности. Прямыми следствиями этого видим в истории государственно-народного быта областных масс: зависимость успехов их умственной и промышленной деятельности от качества политических учреждений и распоряжений, случайность, колеблемость и вялость прогрессивного движения России. Вместо старинного безразличия общественного народного права, вместо свободного выбора образа жизни и деятельности в новую эпоху видим государственное распределение масс народных, видим государственную систематизацию народных сил и действий. Сословность заменила древнюю свободу и безразличие земского значения и положения человека. Вследствие государственно-служебного распределения людей и заботы государства об образовании народном долгое время исключительно состояли в образовании государственно-служебных сословий, военных, чиновных и духовных, и потому учредились только училища для служилых классов, для дворянства и для духовенства. Воспитания народного

[1]) Слово не разобрано; рукоп. л. 86, зачеркнуто „35".

до второй половины XVIII века вовсе не было. Отсюда произошло в XVIII веке резкое раздвоение необразованного, простого или, как тогда говорили, *подлого* народа, и высшего образованного класса, и образовались, таким образом, по выражению одного иностранного писателя, два народа в России, один на высоте цивилизации, другой под страхом полиции.

Результатом государственно-сословного *разделения, рассортирования народа были разрозненность сословий*, так что по табели и рангам огромное большинство народа, низшие массы стали, по выражению одного нашего писателя, не более как безгласный, сдавленный, пассивный низ, базис несколько тяжелой печальной пирамиды. Если в древне-народной областной России, вследствие колонизационного духа и направления, вследствие жизни на всей своей воле, без сдержки и руководства просвещения, видим безмерный, необузданный простор воли, разгул непосредственно-натуральных сил и стремлений, то в новой государственной России, вследствие всеобщей крепостности, всеобщего тяготения к личной власти, вследствие деспотизма единичной власти, видим постепенную деморализацию, моральную крепостность, раболепие духа народного.

Таковы главные характеристические начала государственно-союзной формы исторического развития и быта великорусских областей. Какие же теперь были результаты, выражения этих начал в политических движениях и направлениях народного духа?

Мы видели, как колонизационное земско-областное начало народной жизни, вековое стремление областей к земско-бытовой особенности, самобытности, саморазвитию выразились в энергической оппозиции областей против Московской централизации, и в последний раз в смутное время проявились в розни всех великих царств и государств велико-московского царствия. Что-же, улеглись ли спокойно и повсеместно в государственной форме народно-областные элементы, начала? Мирились ли, совещались ли они с государственной цивилизацией? Нет! В самое смутное время, во время розни областей, когда князья и бояре, потомки удельнообластных князей, помнившие страшные времена Грозного царя, замышляли устроить боярское управление, когда князья и мурзы татарские, потомки царей Татарско-Казанского царства, в родне Симеона Бекбулатовича, замышляли взять в свои руки Московское Государство, в это самое смутное время что думали, что делали массы областные, люди земские? Они в самый разгар областной разрозненности, в земских отписках своих писали друг к другу: *„а бояр бы нам не хотети; против бояр стоять обще“*. Отвергнув боярское управление и избрав всей земли единодержавного царя, земские люди на великом Московском соборе 1613 г. дали царю ограничительную для самодержавия запись, какова *по совету всей земли учинена*, как сказано в

государственной книге и земском совете 1613 г. Запись эта, как передает Котошихин, состояла в том, *„чтобы царем быть не жестоким и неопальчивым, без суда и без вины никого не казнить низачто, а мыслить о всяких делах с боярами и думными людьми сообща, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делать“*.

Вот какая была воля и мысли народа в избрании царя. В форме великого Московского земского совета 1613 г. народ выразил свое прежнее начало земского народосоветия. И этот принцип земства, народосоветия, развившийся в народообластной форме, сначала был признан и в государственной форме. Он многознаменательно выражался на земских соборах XVII века, особенно в царствование Михаила Федоровича. Вспомните, например, с какой свободой и энергией говорили на Земском соборе 1642 г. многочисленные выборные земские люди из разных областей о злоупотреблениях воевод и дьяков в областном управлении, с какой смелостью и решительностью протестовали против воеводского управления и выражали желание восстановить в областях прежнее земское самоуправление и земский самосуд посредством самих выборных излюбленных старост и судей. Мало того, в XVII веке, в эпоху окончательного развития государственной централизации областные земские люди так были неугомонны, требовательны в отношении к Московскому правительству, что то и дело слали отовсюду в Москву, к царю своих доверенных *„во всех местах“* с общими областными челобитными. Цари были вынуждены учредить особый челобитный приказ. В областных челобитных XVII века выразился сильный, громкий народный протест против обременительности государственного тягла для народного экономического быта и развития, против препятствий государственной приказной службы для народной торгово-промышленной деятельности, государственно-приказно-областного управления для земского—народно-областного саморазвития и пр. Этот неумолимый, челобитный, областной протест со второй половины XVI и в XVII веке, так был силен, многозначителен, что цари Московские на первый раз невольно уважали голос народный и давали указы и грамоты на основании народных челобитных. А когда царь Алексей Михайлович, при своем вступлении на престол, не дал земской записи, чтобы не быть жестоким и опальчивым, без суда и без вины не казнить никого, мыслить о всяких делах с думными людьми; когда он учредил *приказ тайных дел*—прообраз страшной темной канцелярии, грозной тучей повисшей над народом в XVII веке; когда он допустил самовластие бояр-временщиков, когда он издал уложение, хотя по прочтении его на земском соборе перед выборными со всей земли, с рукоприкладством 315 человек земских людей; когда в Уложении после преступлений против веры и церкви, первым преступлением он признал всякий протест, всякое слово против

святости и божественности лица самодержца; когда в уложении, по выражению графа Воронцова, написаны законы не для свободных граждан, но для рабов, и кнут избран орудием для исправления судей и тяжущихся действительнейшей принадлежностью суда, когда утвердил в Уложении начала крепостного права и проч.,—то большая часть народа в разных областях закричали ему: „*антихрист*!“ По городам поднялись бунты, признак *старого дурна*. Везде многие земские люди *чинились сильны и государеву указу непослушны*, по обычному выражению исторических актов XVII века; везде брели врозь, вопреки государственному закреплению к земле и централизации. Чутье народа—самый лучший, необманчивый барометр государственной атмосферы. Народ уже в царствовании Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича предчувствовал и через избранных своих предсказывал политические бури конца XVII века и даже переворота XVIII столетия: „Голос Народа“—читаем в одном рукописном хронографе конца XVII в. — *голос народа такой носился: как может быть в мире и тишине многое множество людей, не имея в судах правосудия; и если правосудия не будет, то, конечно, какое нибудь изменение, превращение в государстве будет. Во время зимнее в лето 1682-ое начали люди сильно злобиться по причине неправд и нестерпимых обид; особенно начали злобиться и говорить на временников и главных судей, что мздоимством они себе ослепили. И тогда повсюду не только между мужьями, но и между женами шли речи об обидах и неполучении возмездия в праведных делах. А ближние предстатели царя только сами собой вымышляли мниморазумное, а не руководились советом многих людей, презирали искусных, мудрых и старых людей и покушались вводить всякие новые дела в государстве, чины, в чаянии чести не у дел опочивные (sic?) в гражданстве, забыв писанное, что „в многосоветии спасение“* [1]). Пред народными бунтами, ознаменовавшими конец XVII столетия, к царю Алексею Михайловичу приходили какие то странствующие проповедники мистико-идеалистического учения в демократическом духе, подобные западно-европейским странствующим учителям, предвозвестникам революции. В числе их пришел к царю Алексею Михайловичу какой-то муж мудрый и говорит: „В гражданстве будут тайные похищения скипетров, людей вельможных будет посещать смерть, как естественная, так и напрасная (насильственная), затем последуют из-за них большие молвы и смущения и различные постановления у ряду городского.... И по этим причинам будут великие сеймы многонародные и чувствительные. Бог да избавит, чтобы какое нибудь злое определение оттуда выскочило. Тогда вельможам, боярам, начальникам пагуба будет, где будет суд и правда—и брани не оску-

[1]) Вся выдержка из хронографа приведена неполно и местами неточно. Подробнее см. „Земство и раскол“ (Собр соч. I, 468).

деют, подданные восстанут против правителей за то, что сердца их суть опечалены и тоской наполнены. Хотя некоторые вельможи и мыслят об установлении спокойствия и натянут всякую жилу, чтобы колеблемый, бунтующий народ, мог успокоиться, но мало помогут. Сверх того будут сонмища, казна истощится, и мучители народные, которые сильно воссвирепеют, погибнут" [1]).

В то время, как собралась такая грозная туча народных бунтов над Москвой, в то время, как странствующие народные учителя пророчили о политических переворотах, о демократических движениях народа,—в то время по украйнам России собирались все противо-государственные, демократические народно-областные элементы и страшным, потрясующим взрывом проявлялись. В северном Поморье, в древней колонии Великого Новгорода, в бывшей в старину вотчине знаменитой Новгородской возмутительницы против Москвы Марфы посадницы,—в северном Поморье возникло и сильно распространилось в массе народной демократическое учение: не молиться за царя, не повиноваться ему, проклинать его [2]). На этот взрыв откликнулись, пришли ратные люди, сподвижники юго-восточных демократических движений. Здесь, в низовьях Волги и Дона пылало более широкое и опасное возмущение против государства. Около Стеньки Разина собирались и с ним бунтовали против государства массы народные с чисто демократическим, противо-государственным характером... Затем наступили стрелецкие бунты, тоже чисто-демократические, противогосударственное проявление духа народного [3]). Вообще демократическая настроенность народных масс, склонность к бунтам против государственного начальства, правительства было так же не в духе великорусского народа, что именно нужна была такая железная воля, такая сила монархической власти, какие сосредотачивались в лице Петра I, императора России, чтоб обуздать необузданный народный демократизм. Тогда только демократические движения народа на время укротились, хотя начала их в народе не исчезли, глубоко коренились.

И с этих пор, как усмирены были противогосударственные движения народные, ознаменовавшие начало Империи, последовало дальнейшее развитие политической деморализации народной, подавление народно-областной жизни и самодеятельности посредством крайнего, окончательного развития государственной централизации и ее многоразличных новых учреждений. В XVIII веке народнообластная жизнь, особенно жизнь большинства народа, его низших классов выражалась почти только в стоне, в бегстве народа от государственных податей и налогов, от рекрутчины, от крепост-

[1]) Вся эта цитата более полно и тщательно приведена в труде „Земство и раскол" напечатанном в 1862 году (Полн. Собр. соч. I. 458—459).
[2]) Срав. „Земство и раскол," (Собр. соч. I, 461).
[3]) Срав. „Земство и раскол" (Собр. соч. I, 466—7).

ного права, от беспорядков областного управления, от тирании вроде Бироновской. Тогда как при дворе разыгрывались страшные сцены узурпаторов и интриганов-временщиков, страшные балы политические с танцами, сначала немцев, потом французов, народ в областях словно усыплен был после политического движения конца 17 века; спал страшным, тяжким сном, и во сне страшно стонал и грезил. Ему грезилось напр., будто Россия—вавилонская блудница, будто в ней со времен царя Алексея Михайловича воцарился антихрист, будто все последующие цари суть новое возрождение, воплощение антихриста, что в именах их начертано мистико апокалипсическое число зверино 666. Ему грезились какие то духовные полковники, собиравшие зачем-то свою духовную кавалерию, ополчавшие народ и проч. и проч. [1]) А там в половине XVIII века в массах народных, всего больше заявивших народный демократический дух, возникает новая демократическая партия под именем „Бегунов," возвещает принцип решительного отвращения и бегства от всего государственного, принципа совершенного искупления, исключения из государства, проповедует самые демократические мысли об единодержавии, о правительствующем Сенате, а в начале XIX в. и о государственном совете, о святейшем синоде, о государственном законодательстве и судопроизводстве, о государственных повинностях, о начальстве, и предсказывала всеобщую брань народную с государством и пр. и проч. Проходит еще 20 лет, является Пугачев и снова будит спящие народы к восстанию: старые враги государства:—казаки, в буйном неукротимом разгуле демократического азарта, замышляют тряхнуть государством, которое они попрежнему называли: „Москвой." „то ли еще будет, так ли мы тряхнем еще Москвой?" говорили они. И действительно, так тряхнули юговосточным краем, что императрица Екатерина с нетерпением говорила: „Бог весть, чем все это кончится." „Зло велико, преужасно,—писал Бибиков,—ух!... Дурно! Пугачев—не что иное, как чучело, которым играют воры-казаки; не Пугачев важен, важно общее восстание." [2]) Да, именно важно было общее народное негодование, выразившееся в Пугачевщине. Взволновалась Русь крепостная, взволновались инородские племена: башкирцы, калмыки, мордва, чуваши, черемисы, как в смутное Разинское время, перестали повиноваться русскому начальству. Народ негодовал и свирепствовал против приказного начальства, чиновничества, против крепостного права и хотел вольности.

Между тем, как в политических проявлениях и движениях масс буйно, инстиктивно выражался демократический, противо-государст-

[1]) Этот сон в точной выдержке, но не полный, вошел в статью „Земский сбор 1648—1649 и собрание депутатов 1767 г." (Собр соч. I, 750—751).

[2]) Срав „Земство и раскол" (собр. соч. I, 540), где собственные слова приведены в другой редакции.

венный дух, жестокостям Бироновщины отвечал буйствами Пугачевщины, в высших слоях народа видим развитие других идей, стремлений и движений. Здесь не непосредственно — натуральная инстинктивность, а зревшее мало по малу сознание развило противогосударственные, аристократическо-демократические идеи и стремления западно-европейская цивилизация, хоть и медленно, слабо, но приносила свой плод. Вследствие ее слияния, в высших массах народа постепенно развивалась идея политического права и саморазвития. Не массы, а отдельные личности и образованные литературные кружки большею частью развивали эту идею. Она была единственным, последовательно развившимся плодом европейского просвещения, воспитанием русского юношества. Потом мы будем следить историческое развитие ее в связи с ходом просвещения высших классов народа.

В начале XVIII века, вследствии исключительной государственной цели введения европейской науки в России, высший класс народа, дворянство, училось нехотя. „*Напрасны и издержки и труды твои*, говорили тогда царю приближенные бояре:—*голове и уму русскому недоступны учение и наука.*“ Вследствие такого несочувствия, апатии, старого невежества к европейской науке и к просвещению, лучшие люди эпохи, вроде Кантемира, доказывают новопросвещенному обществу пользу европейской науки. Петр клеймил позорным именем дурака всякого боярина, который не учился, был невеждой Государственный ум его ценил в людях один ум, и ценил преимущественно с государственной точки зрения, и голову без ума не прочь был беспощадно отрубить. Ценя только ум государственно образованный, Петр мало ценил движения сердца, убеждения совести, и потому жестоко казнил людей, напр. за *дурацкий раскол*, как тогда говорили. Так мыслили и современники Петра, напр. Татищев провозглашал, „*что источник всех деяний человеческих есть ум и только*“ Многие вследствие такого образа мыслей постыдились остаться старыми дураками, и, глядя на умных людей, стали учиться и на первый раз перенимали европейскую науку только по приказу правительства, для целей государственных и по подражанию. Вследствие того, образование долгое время было только государственное и, преимущественно, военное, форменное, модное. „На все мода пошла: на умы мода, на знания мода,“ как говорит Стародум в „недоросле“, Фон-Визина, обличая дворян-воспитанников первой половины XVIII века. Исключительное образование ума и притом образование государственное, преимущественно военное, приказное и только модное, нисколько вперед не подвигало развития народного самопознания, и не рождало и не выдвигало личностей с сильными разумно сознательными, либеральными политическими идеями и стремлениями. Не принцип политической свободы и просвещенный либерализм, не возвышенный, благородный дух аристократизма, а своекорыстная

притязательность старого донетровского боярства, возродившегося в шляхетство, эгоистическое властолюбие нескольких бояр, родовой боярско-фамильный олигархизм,—вот что выразилось в известной революционной попытке Верховников 1730 г., т. е. при вступлении на престол Анны Ивановны. В одном только тут видим зародыш гражданского самопознания—в проявлении гражданской власти, а не солдатства.

В конце XVIII века граф Воронцов говорил об избрании Императрицы Анны: „примечательно какое влияние и силу имела тогда в России гражданская власть. Их хотя не признать нельзя, что тогдашний верховный совет весьма дурное сделал из своей власти, присвояя себе, и так сказать, двум фамилиям всю почти власть самодержавия, но, по крайней мере, не солдатство престолом распоряжается, так как в последующее время случалось на то похожее. Нет роду управления, свойственнее к насильству, как военное. Безмерная власть в руках гражданских имеет, конечно, свои неудобства, но никогда таких насильственных следствий иметь не может, какне обузданность военная“ и пр.; не во имя Европейского прогресса, а больше во имя боярской старины Верховники предприняли свое дело. Один из членов Верховного тайного Совета, князь Голицин, в духе прогресивных либеральных идей говорил: „Так как Россия крайне претерпела от неограниченного самовластия, коему весьма много способствовали иноземцы, призванные в землю нашу Петром I, то и подлежит обуздать верховную власть благими законами“. И тот же Галицын, отрицая начало Европейской цивилизации говорил: „к чему нам заморские обычаи? отцы наши обходились и без них, а мы разве глупее наших дедов“. В таком контрасте находились даже в лучших умах высшего класса, в первой половине XVIII в., новые европейские либеральные идеи с русской стариной Оттого, посеянные еще на жесткой, не смягченной европейским образованием почве эти идеи не приносили ничего. Людям первой половины XVIII столетия недоставало души, как говорили во второй половине 18 в. Лучшие люди второй половины XVIII века поняли односторонность умственного, государственного и военного образования, поняли недостаточность одного учения, признали необходимым образовать посредством просвещенного воспитания новую породу людей и новую породу отцов и матерей. Бецкий в составленных им учреждениях, касающихся до воспитания, провозглашал: „Опыт доказал, что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях более вред бывает... При таком недостатке смело утверждать можно, что прямого в науках и художествах успеха у людей третьего чина в государствах ожидать и себя ласкать будем напрасно. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитание“. Держась этого неоспоримого

правила, одно только средство остается, т. е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей. Вслед за Бецким и Екатериной все мыслящие и просвещенные люди хотели, чтобы с изящным разумом сеединялось еще изящнейшее сердце, на том основании, что ум не занимает первого места в достоинствах человеческих, украшает их, но не составляет. „Все требовали образования человека, развития души, сердца чувствительности. Познание европейской науки и цивилизации, введенное Петром I и поразившее односторонее умственно-материальное направление первой половины XVIII века, возбудило недовольство, и, вследствии этого недовольства, явилась потребность самопознания и саморазвития и самообразования. Отсюда развивались все лучшие прогрессивные начала развития высшего класса народа, всесторонее европейское образование; воспитание и просвещение мало помалу преобразовывало полубоярское шляхетство первой половины XVIII века в аристократию Екатерининского времени. В лучших умах высшего класса развилось аристократическое самопознание. Аристократические тенденции Панина уже не походили на боярские претензии верховников. В конституционном проэкте Панина и Дашковой, желавших ограничить единодержавие аристократическими институциями и установить политическую свободу сначала для одного дворянства, исключилась идея всецелой централизации. Областной элемент составлял существенную часть конституционной организации. Рядом с Верховным Советом—центральным конституционным учреждением—предполагалось устроить областные дворянские собрания во всех губерниях и уездах; собраниям этим представлялось право совещаться об общественных интересах и местных нуждах, представлять об них Верховному Совету и предлагать ему новые законы,— следовательно имеет инициативу законодательную. С таким самопознанием проявлялся в первый раз просвещенный дух аристократизма в противоположность бессознательным, непосредственно инстинктивным движениям масс. Век Екатерины по преимуществу называется веком аристократизма, как изолированной, замкнутой касты, в противоположность подлому народу. Эта отрешенность и исключительность аристократических притязаний на конституцию была одной из главных причин неудачности их попыток. Необходимо было развитие третьего посредствующего сословия И вот мало по малу стал развиваться со второй половины XVIII века, как говорили тогда, третий чин—нейтральный класс народа, примиряющий во имя народности и просвещения нисшие массы народа с властным классом. Чрезвычайно медленно, но приносило свой плод просвещение. Образование человека, развитие души, сердца, чувства, чувствительности, как говорили во II-й половине XVIII века, мало по малу вело к развитию гуманности, человечности, сознанию права личности.

Все просвещенные люди второй половины XVIII века заговорили „о любви к ближнему, об общем благоволении к роду человеческому и доброжелательном и ласковом снисхождении ко всякому, о почтении к человечеству". Развитие человечности, чувства почтения к человечеству, сознание права личности повело к сознанию вообще права народности.

В то самое время, когда все подданные русского царства титуловались рабами, всенижайшими, всепокорнейшими, недостойными, когда эти рабы высших сословий считали себя благородными, весь прочий рабский народ (peuple d'esclaves) называли не иначе как подлым народом; в то же самое время воспитались уже и такие люди, которые писали дружеские советы благородным, сильным жителям, любезным поселянам, которые вспоминали „до ныне совсем презренного земледельца, надеялись и громко провозглашали, что отныне умолкает неистовая гордость — презирать в низости живущих посе лян". Из сознания общественного права, права народности проистекали все прогрессивные стремления и действия лучших людей второй половины XVIII в. и первой четверти 19 столетия. Вследствие сознания идеи народности, просвещенные и государственные люди этой эпохи старались по возможности приводить в систему правительства идеи народности и областности; обыкновенно развивали ту мысль, что не народ существует и действует для государства, а государство существует для народа и должно служить пользам народа, что от благоустройства областей, от развития частного и народного благосостояния зависит благоустройство целого государства. Эти идеи приводили в государственно-административную систему все лучшие государственные люди в первые годы царствования Александра I, напр. Воронцов, Трощинский, Мордвинов и др. Они оффициально утверждали, что законы должны быть сообразны с местными условиями и потребностями областей, что государственный совет должен знать и обратить особенное внимание на интересы и совокупные права многочисленных и обширных областей и т. под. Далее, вследствие подобного постепенного развития, политического самопознания лучшие просвещенные люди стали все лучше и лучше сознавать расстройство и вопиющие недостатки общественного народного быта. Как прямо и резко, напр., Щербатов во второй половине XVIII в. охуляет в своих сочинениях все неустройства и беспорядки управления Екатерины, разные худые распоряжения ее, не щадит и деспотизма монархов, с какою свободою рассуждает: „о монархическом, аристократическом и демократическом управлении". Как резко и свободно Мордвинов описывал в оффициальной записке императору Александру нелепообразное, по его выражению, состояние и устройство России. Или, с какой упорной, по словам императора Александра, уже слишком ревностной настойчивостью Дер-

жавин разоблачал самые грустные деяния губернаторов в провинциях, или протестовал против беспорядков Сената и Совета, или как прямо граф Воронцов пишет царю с сожалением, что Россия никогда не была прямоустроена, что государство прежде крепости своей во многом истощено, что солдатство в ней управляет народом и пр. А это либеральное ироническое изображение адской России под игом тирании, какое получаем в сочинении Радищева, напоминает нам думы Рылеева, идеи Искандера, „Мертвые души" России, Гоголя. Отсюда, вследствие этого духа недовольства, отрицания в просвещенных, благонамеренных, умеренно-либеральных государственных людях видим энергическое требование реформы сверху, от правительства. Далее, вследствие развития самопознания, со второй половины XVIII века развились в обществе и литературе два противоположных направления: идея одного—всецелое восстановление форм земского строения древней России, отрицание реформы Петра; идея другого—дальнейшее развитие реформ Петра и полнейшее усиление начал Западно-Европейской цивилизации. Борьба в науке и литературе этих противоположных направлений, продолжающаяся до ныне, одинаково выражает начало развития нашего исторического самосознания, идею народного саморазвития.

Из того же сознания идеи народности проистекает постепенное стремление к политической свободе. Уже во второй половине XVIII века возникла идея свободы крепостного народа,—основная идея политической свободы. Были люди просвещенные, в виде графа Румянцева, графа Воронцова, которые старались проводить эту мысль в общество и литературу.

1 ноября 1766 г. один неизвестный человек прислал в военно, экономическое общество 1,000 червонных в награду за решение задачи: „что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны". Известно каким чувством народности, чувством вражды к крепостному праву, требовавшем освобождения крестьян, проникнуто знаменитое „Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева, известен и проект его об освобождении крестьян. Когда мы сообразим эту предварительную подготовленность духа общественного, нам становится понятным проэкт графа Сергея Петровича Румянцева 1802 г. об образовании свободных хлебопашцев. Наконец, вследствие развития политического самопознания, сознания общественного права, права народности, постепенно стала пробуждаться потребность нравственно-материального и политического народного самообразования, самоустройства и саморазвития. Отсюда в конце XVIII в. и в первой четверти XIX столетия видим стремление к учреждению частных домашних школ и пансионов, видим образование различных обществ вне государствен-

ных воспитательных учреждений. В 1765 г. учреждено было в Петербурге вольное экономическое общество „для распространения в отечестве знаний о земледелии и домостройстве“, как сказано было в проекте его. В 1781 году Новиков с Шварцем основывает „дружеское ученое общество“, а кроме того учредил педагогическую семинарию, собрание университетских питомцев, переводческую семинарию. Идеи общества Новикова имели большое влияние даже на нижние массы народные. Вольная типографическая компания Новикова распространила и такие книги, которые пробуждали идею политического самопознания народного, дух оппозиции народной против государственности. В числе книг этого рода в библиотеке Новиковского общества, которая стоила 300.000 рублей, были между прочим в русском переводе противоправительственные книги напр. Арндта.

Эпоха образовательной деятельности Новикова была чрезвычайно возбудительна для мыслящих просвещенных людей России. Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую весну 90-х годов: все ждали с бьющимся сердцем чего то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями. Эммануил Кант, сняв шапочку, говорил, удрученный величием событий, при возглашении французской Республики: „ныне отпущаеши“... С восторженными идеалами того времени и мыслящие люди России встречали XIX столетие. Многознаменательно было начало нашего века! Оно веяло самым отрадным либерализмом. Сам Александр I постоянно повторял, что „либеральные институции, либеральные принципы“ составляют для него единственное основание для осчастливления народов. В письме к своему другу, к князю Черторижскому от 13 января 1813 г., на польском сейме перед представителями польской нации 27 марта 1818 г., перед депутатами Ливонского дворянства 5 марта 1819 г., в беседе с известной писательницей Сталь Александр выражал свое решительное намерение даровать конституцию народам, населяющим Россию. Сперанский по его идее сочинял конституционную хартию. Все окружающие Александра, по словам Державина „Набиты были конституционным французским и польским духом“. Каждый офицер шел во французский поход с проэктом конституции в кармане. Журналы русские, как например, „Северная почта“, восхваляли монарха за свободу печати. Все так питало в просвещенных классах народа самые отрадные мечты и надежды. И ничто уже не могло остановить, подавить последовательного политического развития в мыслях просвещенных людей народа, политического самосознания, когда снова все приняло суровый вид единодержавия и настала инквизиториальная политика Аракчеева; тогда образовались политические катакомбы. Здесь теплился тусклый све-

тильник конституции. После 1813 г. и особенно около 1816 года одно за другим возникают и распространяются тайные общества: „Союз добродетели“, „Союз благоденствия“, „Союз счастия или достойных сынов отечества“, „Союз зеленой лампы“, военное общество, или общество русских кавалеров, славянское общество, библейское общество. Во всех этих обществах выразились разнообразные стремления пробуждавшегося морального и политического самосознания и саморазвития.

Здесь то, в тайных собраниях этих обществ, развивалась, из них проводилась в высших классах народа идея конституции. Таким образом постепенное развитие политического, народного самосознания и самообразования, несмотря на все сдержки, начало приносить свой необходимый плод—идею политического, народного самоуправления. И эта идея, еще не успевши созреть, развиться в духе народном, проникнуть в массы, уже торжественно заявила в истории свое право 14 декабря.

II.

О конституции.

Господа!

Сегодня я пришел к вам не с лекцией, а на одну беседу в кругу друзей русского просвещения. Современность русского народа так живительна, возбудительна для того, кто занимается историческими судьбами, что невольно увлекает и навевает различные исторические думы. Позвольте мне сегодня высказать одну из этих дум.

Когда то в кругу немногих г.г. студентов я сказал и теперь повторяю: чье сердце не бьется от одного магического слова: *конституция!*

Да скоро ли, когда мы дождемся ее? Но какая нам необходима конституция и как совершится она? Вот вопросы, которые мучат нас. Пусть была бы у нас гласность, свобода разума и слова — первый дар конституции, первый закон в ее кодексе—мы бы теперь подробно наслаждались хоть литературным обсуждением начал нашей будущей конституции. Мы бы теперь подробно анализировали и критически обсуждали общим русским умом, при помощи наук, при соображении конституционных опытов Европы и Америки, анализировали бы и обсуждали бы исторические, политикоэкономические, юридические, географические и этнографические условия и элементы нашей русской конституции. Но Геркулес ли или русский бог не дал нам дара гласного слова, инквизиционная цензура бьет в самом зародыше нашу мысль. Жандармская тайная полиция, как лев, ищет поглотить за свободную мысль, за свободное слово. Что же делать? Остается — мыслить взаперти, одному, бродя из угла в угол. Но мысль подчас так мучит, так напрягает голову, что и самых тяжелых вздохов, и за вздохами—слов—мало для облегчения мысленного давления, ига. Слово, свободное слово—единственный простор для мысли. Это ее свежий воздух [2]).

Идея конституции заключает в себе такое неисчерпаемое обилие мыслей, что могла бы быть постоянным предметом слова и живого и литературного. Вы изучаете, например, философско-исторические

---

[1]) В рукописи Красноперова это и предыдущее слово пропущены.

[2]) До сих пор со слов „Что же делать?“ приведено у Аристова „А. П. Щапов“ СПБ. 1883 стр. 40.

принципы социального развития народов, законы общественной цивилизации,—идея конституции составляет, как кажется, окончательный вывод, естественный результат философии политического права.

Вас занимает общественное право, юридическое устройство народной жизни, администрация и суд — конституционная организация юридического быта народа составляет самый естественный и жизненный росток юридического саморазвития народной жизни. Идея юридической самодеятельности, самоуправства народного естественно вытекает из идеи юридического самосознания народного: народ имеет естественное право думать сам о себе, своих интересах и делах. Общественное право—это сам народ в юридическом уравновешении его разнородных частных прав, сил и элементов.

Вы изучаете политико-экономический быт народа: конституционная организация свободного труда, конституционное охранение, распределение и уравновешение экономических сил и продуктов народной производительности составляет самую лучшую гарантию общественного экономического благосостояния и прогресса. Конституция есть полное признание прав свободного труда, свободы всех производительных сил народа и естественное уравновешение этих свободных и производительных сил.

Производительная сила свободного труда, материального или умственного, морального, — вот движущая сила конституционного, социального, экономического, умственно-морального развития. Только при равной свободе экономических сил и труда возможно полное, гармоническое, цельное развитие и уравновешение общественной и экономической производительности и благосостояния.

Вы занимаетесь исследованием поземельного, политико-географического распределения народа: конституция условливает физико-географическую основу территориального распределения народонаселения, областного деления и представительства земских общин; конституция дает цену местному областному элементу, она соразмеряет земско-областные и конфедеративные права и отношения различных областных общин сообразно с их физико-географическими и этнографическими условиями.

Вас занимает этнография: она составляет одно из существенных начал конституции. Конституция дает свободное развитие всем живым началам и элементам этнографическим, а в разнообразии и взаимодействии их признает жизненное начало, задаток, залог живого, разнообразного, всестороннего прогресса.

Вы занимаетесь литературой: литература составляет орган развития народного самосознания, а развитие общественного самосознания естественно необходимо ведет к политическому самоуправлению. Идея конституции, следовательно проникает в литературное движение и развитие мысли.

Таким образом все историко-философские и историко-политические науки в большей или меньшей мере заключают в себе идеи конституции и материалы для рационального развития и уяснения организации ее.

Мы с вами изучаем Русскую историю. Клянусь: без солидного, основательного, жизненного понимания истории нашего народа, без исторического, историко этнографического самосознания, — мы вдруг не создадим конституции полной, такой, которая бы обошлась без бунтов, унаровила бы всему народу, или вернее, всем народам [1]). От закона исторической последовательности никакое, даже самое гениальное творчество не освобождается [2]). Я вполне согласен со словами одного нашего писателя, издателя истории Вебера: „ничто так не расширяет кругозора нашего, ничто так не укрепляет и вместе не отрезвляет ума, как дельное изучение истории. Каково бы ни было призвание человека, специальное—ученое или гражданское в обширном смысле—историческая основа необходима везде. Необходима уже и потому, что она совершенно неизбежна; например, мы будем *льстить* себя надеждой создать что-либо новое или поддержать отжившее наперекор историческим основаниям; даже гениальное творчество, равно как и самая фанатическая любовь к старине должны волей или неволей подчиниться закону исторической последовательности, и это не только в обширных сферах государственной и общественной жизни, но и в самой тесной раме частных отношений в ближайшем родственном и семейном кругу". История, это — сама нация в течение веков, сказал Гизо. Русская история, следовательно, — это сам русский народ в течение веков. Так! Но мы, русские, знаем ли мы наше прошедшее настолько, насколько нужно нам знать наше настоящее? Естественно-ли, исторически-ли последовательно мы все хотим чего-то нового, ждем какого-то невещественного, не варяго-русского, тем более не татарско-византийского памятника 1000-летия России?

Вот вопросы, которые не только заставляют нас прежде начала специальных лекций сказать несколько слов о взаимном отношении древней и новой России и о значении исторического самосознания в практике современных реформ и вопросов.

Известный юрист наш Калачев, глубокий знаток юридических актов, заключая свою прекрасную критику на книгу Чичерина об областных учреждениях России 18 века, совершенно справедливо сказал об общем взляде Чичерина на древнюю Россию: среди верных

---

[1]) Современный историк сказал бы, что никакая конституция не может „унаровить всему народу", поскольку она является продуктом творчества господствующего класса; без „бунтов" же не может обойтись всякая конституция, идущая вразрез интересов трудящегося и угнетенного большинства

[2]) Ср. Аристова, цит. соч. стр. 64, со слов „клянусь".... и т. д.

и остроумных замечаний проглядывает всюду мрачный оттенок, приданный древнему миру древней России современным отрицанием в нем юридических понятий, которым бы определялись и ограничивались права и обязанности лиц, и решительным приговором о полной неопределенности, которую представляет наша древняя администрация: „Как неутешительно знать и верить с автором, что Петр Великий привил, так сказать, нашим предкам юридические начала европейских государств, призвал их к новой общинной жизни, с которой мы уже сроднились и которая представляет в будущем еще более обширные последствия; тем не менее и по прочтении книги г. Чичерина мы остаемся в искреннем убеждении, что из огромной массы рассмотренных нами фактов, могли бы быть выведены по крайней мере положительные результаты, которые принесли бы у нас свою пользу не только науке, но и самой практике.“

Да, не только науке, но и практике! Наперекор исторической организации и жизни нашего народа, мы не создадим ничего прочного нового, не улучшим вдруг быта нашего народа, многое даже можем испортить, как и были уже опыты в нашей истории.

Почти все, что теперь составляет предмет или еще вопрос наших реформ, почти все это имеет свои степени, зародыши, элементы в прошедшей самобытной жизни нашего народа. Мы только при ленивом и во многих отношениях еще не точном и превратном понимании бытовой внутренней истории русского народа не знаем тайны потребностей, источника желаний, вековых исканий нашего народа. А народ выразил их в своей прошлой истории, выразил нестройно, пожалуй, естественно грубо, потому что недоставало искусственности и рациональности, той европейской рациональности, той разумной человеческой мысли, какую должен был внести в Россию Петр I-й. Он внес это вспомогательное, существенно необходимое нашей новой исторической жизни. Оно, хоть и сквозь уродливые, нестройные исторические формы и начала 18 столетия, вылилось, вобралось в нашу жизнь и дало ей европейское разумно-сознательное направление. И значение Петра тем кончено. Для России настает пора нового, исторического, разумно-сознательного бытия.

И вот почему, мне кажется, в наше время необходимо, особенно необходимо всестороннее и глубокое историческое самопознание наряду с совершенным политическим самопознанием.

Великая всенародная реформа, которая явится в виде конституции, народного самоуправления, тогда только удовлетворит всем разнообразным потребностям народов, населяющих Россию, и тогда только водворится в русской земле, когда будет плодом нашего всестороннего и глубокого исторического самопознания и будет согласоваться с историческим духом и характером народа, с историческими, территориальными и федеративными особенностями его. А без

всестороннего исторического самопознания невозможно глубокое политическое самопознание народное, следовательно, невозможно и правильное, естественное удовлетворение всех наивысших и разнообразных обширных потребностей, развившихся в течение истории. Вот почему в наше время жизненно-необходимо глубокое и всестороннее изучение исторической организации древней России столько же, как и изучение новой России.

Новая Россия органически связана с древней, словом, история есть организм, ее развитие—развитие организма. Элементы древнего быта России еще глубоко коренятся во многих слоях нашего современного общественного строя. Даже семена, зачатки самой будущей конституции, нашей discordia semina rerum, отчасти кроются в истории, в вековых исторических стремлениях, склонностях и привычках нашего народа. Недаром ученые и поэты молодой России часто с особенной симпатией углубляются в мир древней России [1]). Для примера я скажу вам в нашей древней истории три или четыре таких начала, выработанных давноминувшей жизнью нашего народа, которые мы снова невольно желаем восстановить в их внутренней сущности, только по идее и в формах, выработанных просвещением 19 века [2]).

Прежде всего, размышляя о будущем конституционном географическом распределении и устройстве наших областных территорий, мы часто задумываемся о давно минувшей земской самобытности наших областных общин до эпохи централизации. Вся первоначальная наша история до эпохи Московского государства, вся естественно-историческая основа, архитектоническая постройка русского самообразования областных земских общин путем колонизации—в натуральном, экономическом и юридическом самоустройстве и в земско-общинной организации их, в органически конфедеративной их связи, как членов одного политического организма. Первоначально образовалась городская община путем вольно-народной или княжеско-вотчинной колонизации на более или менее обширной территории, большей частью очерченной разными речными системами. Свободные жители городовой общины—князья, бояре посадники, духовные, мирские вотчинники и своеземцы—выводили свои поселения на принадлежащие городу окрестные территории, каждый по своим хозяйственно-промышленным *путям, ухожьям и станам*. Таким образом устроялись села и деревни, бортничьи, рыболовные, сокольничьи, солеваренные, пашенные и проч. Таким образом из первоначального

1) Ср. цит. соч. Аристова, стр. 64—65 со слов „Мы только при ленивом“ и т. д. до сих пор.

2) Это обращение к глубокой старине, это выискивание начал или принципов современной конституции в глубокой древности довольно характерно для Щапова, как выразителя мелко-буржуазных тенденций просвещенного интеллигента и общественного деятеля начала 60-х годов 19 века.

областного города организовался его уезд—*сельская община*. Город и его уезд, его сельская община образовали, впоследствии такого земского органического саморазвития, самостоятельное целое, самобытную областную общину. Очертанием границ, определением земской самостоятельности, цельности, замкнутости областной территории большей частью были физико-географические рубежи и преимущественно речные системы. А в так называемых *черных областях*, т. е. в невотчинных областных общинах даже и самое колонизационное, территориальное, земское самораширение и самоустройство совершались по началу общинного землевладения. То-есть, излюбленные выборные старосты по согласию и совету с целым миром, со всей волостной общиной, отводили новоприбывшему пришельцу участок общинной земли и заключали с ним так называемую *порядочную во княжество*[1]) на поселение.

Таков общий исторический процесс образования областных общин. Развиваясь в земском колонизационном и историческом взаимодействии и соотношении, областные общины естественно находились в конфедеративной связи территориальной, земской, исторической и нравственно-религиозной. Естественная жизнь народа создала, организовала такие конфедеративные, соединенные сосредоточия или ассоциации населения в форме города и его уезда, которые, развиваясь и живя самобытно, разделяли между собою по областным общинам общую историческую задачу развития и цивилизации, сообразно с местными этнографическими и физико-географическими условиями той или другой общины. Несмотря на всю грубость первоначальной формы свободного саморазвития областных общин, земская самобытность их в конфедеративном союзе всей земли всех общин составила естественно-экономический зародыш, принцип поземельного развития и проявления народной жизни. Каждый главный областной город, т. е. город древнейший, первоначальный в этой или другой области жил и развивался свободно, сообразно с этнографическими и физико-географическими условиями; свои общинные земские доходы, силы и средства прежде всего употреблял на удовлетворение своих внутренних потребностей. Оттого все главные областные города в общем соотношении были равны между собой и по правам жителей городских и уездных, и по средствам жизни и развития, и по общественному значению.

Только сначала, когда еще не организовались окончательно областные общины, не обозначилась их земская территориальная разграниченность, только до XIII в. видим некоторые проявления старых городов с младшими—с пригородами, и то только внутри, в пределах одной областной общины. И в этой борьбе опять выразилось

---

[1]] вернее: «порядную в крестьянство».

то же стремление областных общин ко внутренней земской самобытности и независимости. После же, когда областные общины окончательно сложились и определили свои территориальные границы, все главные областные города были более или менее равными между собою в юридическом значении по общественному праву. Например; Ростов, Москва, Владимир, Новгород, Вологда, Пермь, Вятка, Нижний-Новгород, все города с их уездами и волостями жили самобытной жизнью и потому назывались по причине равенства—*братьями*. Большая часть областных общин вела свою земскую летопись. Везде в областных общинах развивалась своя местная словесность и письменность и грамотность, какая была возможна в древней России, во всех областных общинах была одинаково распространена; везде были свои святые, свои патроны, которые почитались перед прочими преимущественно, даже свои чудодейственные иконы. Вообще не было того резкого различия между столичностью и провинциализмом, какое образовалось после, в эпоху централизации, да и столицы не было до возвышения Москвы.

Такова была естественная историческая закладка, основа русской гражданственности и общественности. Груба, не развита была она по причине средневековой грубости нравов, по причине средневековой неразвитости юридического сознания, а более—нравственного в областных общинах, по причине вообще неразвитости древней Руси и отсутствия сознательного разумного просвещения[1]). Конфедеративная жизнь областных общин, пока она слагалась $2^1/_2$ столетия, обнаруживалась большой частью в дикой междоусобной вражде и борьбе. По причине неразвитости сознания равенства и братства, называясь братьями (как братья в грубой необразованной семье), вечно ссорились и бились между собой и опять мирились, жили дружно и мирно. Вечевой колокол часто сзывал народ той или другой общины на охлократическую, шумную и убийственную борьбу партий, на буйный разум[2]) воли *мужиков-горланов*, как тогда выражались. Все это так. Но зато в этой дикой, буйной, вечевой воле сколько было естественной силы, свежести, непочатого, нераскрытого просвещением богатства начал, элементов народосоветия и народоправления, облеченных в грубую форму народного *веча*, выражавшихся в грубых звуках вечевого колокола. То был самородный, излюбленный починок русской конституции, созидавшийся народом, который, по словам исторических актов, только что еще *поставлял, посаживал починки на лесах*, т. е. только что еще основывал вольные областные общины.

В таких формах начертывала план, полагала закладку, первую основу великообластного народоправления естественная история, на-

[1]) Фраза или необработанная Щаповым, или списанная с ошибкой.
[2]) Так написано в обеих рукописях.

туральная жизнь нашего народа. Все требовали и требуют не сломки совершенной, не подрыва радикального в самой основе своей, а требовали и требуют свободного исторического развития, улучшения, облагорожения по началам общечеловеческого просвещения 19 века, перемены в духе народном[1]). И вот почему мы в 19 веке, перенесши в XIII—XVIII столетиях тяжелые цепи государственной централизации, наконец снова начали с особой симпатией изучать и вспоминать древнюю земско-областную Русь. Историческое право, наконец, мало по малу оказывает свое влияние на умы, движет молодую Россию, становится историческим правом и началом нашего политического самопознания. Мы невольно начинаем полагать историческую основу своим либеральным идеям и стремлениям или облекать их в историческую форму. Напр., в вечевом колоколе древнего города мы видим символ новой земско-областной и конституционной самобытности. Последний заунывный звук Новгородского колокола, возвестивший погребальное шествие Новгородских вечников в Москву, в плен к царю Ивану III, благовестит нам будущую свободу областных общин, будущее социально-демократическое государство, вместо Византийско-Московского[2]). Поэт молодой России, совершенно согласно с простым рассказом Новгородской летописи поет:

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади
Заунывно гудит поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют-ли снова посадника?
Не волнуется ль чудь непокорная?
Не вломились-ли шведы, иль рыцари?
Да не время-ли кликнуть охотников,
Взять неволей иль волей с Югории
Сребро и меха драгоценные?
Не пришли-ли товары ганзейские?
Или снова послы сановитые
От великого князя Московского
За облавной деньгою приехали?
Нет! Уныло гудит поет колокол.....
Поет тризну свободе печальную:
„Ты прости, родимый Новгород!
„Не сзывать тебя на вече мне,

---

[1]) Ср. приложение V (Отрывки из «Ученой Беседы») у Аристова в цит соч стр. 154 155 со слов: «Вся первоначальная наша история...»

[2]) Все эти заключительные фразы о связи современных Щапову стремлений с древней и вольной областной самобытностью, особенно с эпохой самостоятельности Великого Новгорода в пору расцвета там торгового капитала и развития денежного хозяйства, следовательно, и обострения отношений между мелкой буржуазией и земельно-капиталистической аристократией,—лишний раз подтверждают соображения, высказанные нами о политических убеждениях Щапова

„Не гудеть уж мне по прежнему,
„Кто на Бога, кто на Новгород?
„Вы простите, храмы Божии,
„Терема мои дубовые!
„Пропою для вас в последний раз,
„Издаю для вас прощальный звон.
„Налети ты буря грозная,
„Вырви ты язык чугунный мой,
„Ты разбей края им медные,
„Чтоб не петь в Москве далекой мне.
„Про мое ли горе горькое,
„Про мою ли участь слезную,
„Чтоб не тешить песнью грустною
„Мне царя Ивана в тереме.
„Ты прости, мой брат названный—
„Буйный Волхов мой, прости!
„Без меня ты празднуй радость,
„Без меня ты и грусти.—
„Пролетело это время, не вернуть его уж нам,
„Как и радость да и горе мы делили пополам.
„Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
„Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал;
„Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
„Как напутную молитву я волнам твоим гудел;
„Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
„Как гремели мы с тобою, смерть Вам, Суздальцы, иль плен.
„Помню я, ты на Ижору Александра провожал,
„Я моим победным звоном победителя встречал;
„Я гремел бывало, звучный, собирались молодцы,
„И дрожали за товары иноземные купцы,
„Немцы рижские бледнели и заслышавши меня
„Погонял литовец дикий быстроногого коня
„А я город, а я вольный звучным голосом зову
„То на Немцев, то на Шведов, то на Чудь, то на Литву.
„Да прошла пора святая, наступило время бед,
„Если б мог, я ростопился в реке медных слез, да нет;
„Я не мог, мой буйный Волхов! Я не плачу, я пою.
„Променяет ли кто слезы и на песню на мою?
„Слушай, нынче старый друг мой, по тебе я поплыву,
„Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву;
„Собери все волны, все волуны, все струи,
„Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
„А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
„И звони в меня почаще серебрянною волной:
„Может быть из вод глубоких, вдруг услыша голос мой,
„И за вольность и за вече встанет город наш родной".

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади
Заунывно гудит поет колокол;
Волхов плещет и бьется и пенится
О ладьи москвитян острогрудные,
А на чистой лазури в поднебесьи
Главы храмов святых, белокаменных,
Золотистыми блесками светятся.

Так в образе вечевого колокóла древнего вольного Новгорода мы выражаем свои мечты и думы о будущей земской свободе русских велико-областных общин. Иль вот еще исторический пример— Украйны. Украйна тоже сама собою образовалась и за свою свободу выдержала вековую энергичную борьбу с централизующей силой и деспотизмом Посполитой речи. Наливайко, Богдан Хмельницкий и Мазепа—вот исторические герои вековой борьбы за земско-областную свободу Украйны. И поэты и мыслители молодой России, опять опираясь на историческую основу и на историческое право Украйны, мечтают, плачут и поют о давноминувшей земско областной самобытности ее. Рылеев „исповедью Наливайки“ и в образе Войнаровского и Мазепы выражает свои высокие думы о политической свободе, о конфедеративной самобытности областных общин. А сердечный Шевченко возбуждает слезы своими историческими думами о Богдане и Украйне. Не он плачет об Украйне, она сама плачет его голосом всеобщих накипевших слез. Прочувствовали ли, сознали ли Вы, господа, историческую борьбу и страдание в следующей, например, песне над разрытой могилой исторических борцов за свободу Украйны—Шевченко.

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За-що тебе сплюндровали,
За-що, мамо, гинеш?
Чи ти рано до схід сонця
Богу не молилась?
Чи ти діточок непевних
Звичаю не вчила?
—„Молилась я, турбовалась,
День і ніч не спала,
Своіх діток доглядала,
Звичаю навчала,
Виростали мої квіти,
Мої добрі діти,—
Панувала і я кались

На широкім світі;
Панувала... О Богдане,
Неразумний сину!
Подивись теперь на матірь,
На свою Вкраіну,
Що колишучи співала
Про свою недолю,
Що співаючи ридала
Виглядала волю!..
Ой Богдане, Богданочку!
Як-би була знала —
У колиоці б придушила,
Під серццем приспала!
Степи мої запродаві
Жидові, Нимові,
Сини мої на чужині,
На чужій работі;
Дніпро, брат мій, висихаэ,
Мене покидаэ,
І могили мої милі
Москаль разриваэ...
Нехав рпэ, разконуэ,
Не своэ шукаэ;
А тем часом перевертні
Нехай підростають,
Та поможуть Москалеві
Господарювати,
Та з матері полатану
Сорочку знімати!
Поспішайте ж недолюдки,
Матірь катувати!“
На четверо розкопана
Розрита могила...
Чого вони там шукають?
Що там схоронили
Старі батьки?
— Ех як-би то
Як би то знайшми те, що там схоронили,—
Не плакали б діти, мати не журилась....

Другое историческое начало, выработавшееся в древней России свободною народною жизнью, это—начало земского народосоветия, выражаясь словами знаменитого крестьянина Посошкова. Как каждая земско-областная община сама собой организовалась путем колонизации, путем нераздельного земского устройства главного областного города и его уезда, так и юридический быт областных общин сложился на основании земско-общинного устройства их. Вследствие колонизационного общинного самоустройства народонаселения в той или другой области естественно развилось и земское самоуправление, их политическая и юридическая самостоятельность. Каждый главный и областной город с его уездом составлял самостоятельное целое, вольную областную общину; вследствие колонизационного земского самообразования каждый главный областной город с своей уездной общиной имел свое обширное земское юридическое самоустройство и саморазвитие. Отсюда развились все разнообразные общинные формы земского народосоветия в различных областных общинах великорусские городовые веча, юго-западные сеймы и рады, казачьи круги, областные земские советы, обнаружившиеся в смутное время во всех великорусских областных общинах Организацию всех этих форм областного народосоветия мы раскроем подробно в специальных лекциях, когда будем говорить об юридическом устройстве и быте городских и сельских общин в северо-восточной и юго-западной России до эпохи централизации Московской и Польской. В настоящей беседе для нас важно не историческая форма, а важно самое саморазвитие их из духа и жизни народной, важен принцип их. Значит, сама историческая жизнь народа требовала народосоветия и самоуправления областных общин, когда создала, организовала все эти формы земского народосоветия и народоуправления. Дух народный творил их по естественному закону юридического самоустройства и саморазвития по тому естественному закону, что народ имеет естественное право думать и заботиться о своем благе, о своих собственных делах, потребностях, интересах, сам собою или через своих избранных представителей, а не через какие нибудь единичные и приказные власти. Излюбленное выборное начало общинного самоуправления так было в духе областных общин, что в течение всего XVI и XVII столетий обнаруживало энергичную протестацию и борьбу против приказного, правительственного элемента. Принцип областного народосоветия, выражавшийся в земско-областную эпоху в шумных вечах, так был естественно-народен, что через 150 лет, в смутное время сильно отозвался даже в великорусских областных общинах, когда все области снова разрознились, обособились, вопреки московской централизации, несмотря на то, что уже за 150 лет вечевые колокола отвезены были в Москву или разбиты на месте. В эпоху великой розни областные общины еще раз выразили свою

инстинктивную, естественную потребность местного народосоветия в своих местных земских советах, на которые собирались городовые и уездные люди. И после, во второй половине XVII века, если уже не вечевой, то колокол *сполошный* часто раздавался, гудел в разных областных общинах, созывая народ на общинные демократические советы и бунты, как было, напр., в начале царствования Алексея Михайловича в Пскове и Новгороде, в Устюге и Сольвычегодске. В смутное время, когда областные общины после семилетней розни окончательно согласились по взаимным перепискам быть между собою *в любви, совете и соединении*, исторически признан был также принцип их конфедеративной, всенародной и земско областной союзности и совещательности, который выразился в великом земском совете 1613 г. и потом еще неоднократно выражался на земских соборах XVII века, также как и прежде, в XVI веке. Грубы были все эти областные земские советы и Московские Земские соборы 16 и 17 веков, они имели характер временный, не были постоянными инструкциями [1]), но и в настоящее время, опять скажем, для нас важны не формы их, а только принцип. Если грубые формы областных земских советов и народных земских московских соборов в самом зародыше несправедливо, насильственно низложены, сокрушены были учреждениями государственной, административной централизации, пока глухо раздающийся из-за моря звук колокола снова будет созывать областные общины к народосоветию, то и тогда едва-ли может быть создана всенародная, излюбленная конституция, если не будет признан тот принцип земско-областного и центрального народосоветия, какой уже давно инстинктивно признал наш народ, какой был в духе его, какой имел уже историческую закладку, хотя и вовсе не в формах и не по началам 19 века. Элементы земского областного народосоветия еще сохраняются, хотя в тех же старинных и грубых, необлагороженных просвещением формах, сохраняются в наших многочисленных и разнообразных сельских общинах. Недаром заграничный колокол [2]) с особенно симфонической симпатией гласит о наших сельских земских общинах, сельских мирских сходах. Заключаю,—не грубые формы, а историческая народная идея областных земских советов и всенародных центральных земских соборов рано или поздно во имя исторического права, во имя уважения к духу и потребностям нашего народа, выразившимся в течении истории, рано или поздно должны быть приняты в соображение и при новой конституционной организации местного областного и всеобщего непосредственного народосоветия. Если я ошибаюсь в понимании современ-

---

[1]) Так сказано в обеих рукописях; вернее видеть здесь слово „институтами"

[2]) „Колокол" Герцена.

ного значения исторического народного права, то прилипни язык мой к гортани моей. [1]).

С началом областных земских советов находится в неразрывной связи принцип земской областной гласности. С той поры, как государство взяло на себя заботу о народе, инициативу в его делах и интересах и учреждало разнообразные исключительные приказы в Москве, которых в конце XVIII века насчитывались до 100, с той самой поры до начала 18 века областные общины пользовались правом свободного голоса в Московских приказах и пред царем. Этот голос свой они выразили в бесчисленных и разнообразных областных челобитных, посылавшихся из областей в Москву к царю от лица всех жителей той или другой областной общины—городских и уездных вместе. Прочитайте в исторических актах XVI и XVII столетий многочисленные и разнообразные грамоты и указы, и вы увидите, что они все были результатом областных земских челобитных прямыми ответами на вопросы, требования и жалобы тех или других областных общин, почему обыкновенно каждая царская грамота или указ начинала условными изложениями областных челобитных, которые вызывали ту или другую царскую грамоту. В одной из следующих лекций я подробно изложу Вам содержание некоторых областных челобитных. А в настоящем чтении я хочу обратить ваше внимание опять только на самый юридический принцип земских областных челобитных. В них выражалось во—1), естественное, жизненное право областных общин свободно заявлять свой голос пред центральным правительством, выражать свои нужды, желания и интересы, во—2), в них выражалось естественное право областных общин иметь влияние на развитие законодательства, давать вопросы и материалы, раскрывать разнообразные местные условия и начала местного законодательства, следовательно, уяснять начало приспособления, приложения законодательства к областной жизни; наконец, в областных челобитных жизнь народная выразила естественное право общности и представительности областного народосоветия. Челобитные обыкновенно писались к царю, по выражению актов, *со всех мест*, и подавались несколькими выборными представителями от имени целых областных общин. Судите сами, естественно-ли, справедливо ли поступало государство, когда уничтожило в самом зародыше этот принцип земско-областной общиной гласности. И здесь, опять скажем, груба была форма областной гласности, но она была естественна, истекала из жизни и потребности народа, следовательно, была в духе народном. И массы народные были подавлены уничтожением свободной челобитной, гласности своей, и, хотя грубо, но выразили это свое недовольство. Когда Петр I закрыл челобитный приказ и

[1]) Ср. „Отрывки из „Ученой Беседы" в приложении к цит. раб. Аристова, стр. 155—156 со слов „Другое историческое начало..." и т. д.

отказал народу принимать докучавшие ему челобитные, раскольники, поднявшие упорную и славную оппозицию против правительства, распустили по России пасквильную челобитную под заглавием „Соловецкая челобитная о антихристе, еже есть Петр I.“ В этой челобитной высказали они самый грозный и злобный протест против монархизма империи, против регламентов и указов, против рекрутчины, подушной переписи, податей, повинностей и проч. Во второй половине XVIII века бунт Пугачева начался, между прочим, так же по поводу неуважения общинных яицких депутатов с челобитной казачества. Если же дух народный требовал областной гласности и выразил в истории свое естеественное право на эту гласность в областных челобитных, то бюрократическая централизация и принцип демократически произвольного указа, очевидно, были противны духу и потребностям народа. Неразумно было бы, конечно, желать старинного способа выражения областной протестации областных нужд и интересов посредством общинных челобитных, но принцип общинной областной гласности, представительности, выразившийся в форме челобитных, заслуживает внимания в наше время. В наше время он мог бы выразиться в форме провинциальной литературной гласности и в форме областных форменных прошений, представлений в центральный, всенародный Государственный Совет и т. д.

Укажем еще на одно начало в древней России, которое также стоит внимания и в наше время, это—поземельная система налогов и отсутствие личного подушного тягла. Мы желаем кадастративной системы государственных поборов, а она была в духе древних общин, ее требовала естественная жизнь русского народа; только ревизия душ нарушила общинную поземельную раскидку податей и потому возбудила в народе недовольство и упорную оппозицию. В этом отношении я вполне согласен со словами Лешкова. „Мы соглашаемся с положением, что результат реформы Петра В. состоит в систематическом устройстве русского управления. Повсюду в них господствует одна мысль—о государстве, одно начало сосредоточения и один дух личной власти, сообщавший управлению правильность в плане и твердость в управлении. В области истории общественного права все это выразилось в актах ревизии 1718 – 1723 г.г. Эта ревизия не есть простое перечисление народа, так она бы не вызывала ни столько замешательств, проволочек, утаек со стороны правительственных усилий, издержек и строгостей, доходивших до конфискации частной собственности, до нещадных казней, ссылок на галеры и смертной казни. Напротив, это—акт, которым порешались важнейшие вопросы о юридическом и государственном положении населения. Учреждаясь для раскладки налогов или для содержания войска, она разделила народ на лично служащих государству и неслужащих лично, а только оплачивающих содержание служащих.

Обращаясь с требованием ревизских сказок не к подлежащим записи, но к владельцам земли и подвергая их ответственности сначала за верность сказок, а потом за исправность взносов и повинностей, она прекрепила население не к земле, а к личности владельца, все равно будут ли это монастыри, заводы и фабриканты. Преследуя отнятием земли и казнями то медленность в подати, то неверность в показаниях сказок, она ясно выразила, что население земли принадлежит государству, а потому утайка подлежит казни. Между тем отдавая население земли землевладельцам, она сообщила их праву на население характер государственно-политический.

Отсюда такой резкий переворот, замечаемый нами в XVIII в., во всех вопросах нашего общественного права, которое с переменою значения населения стало вполне казенным, камеральным, „полицейю", хотя и в высшем значении слова, где уже действует государство по преимуществу. Замечательно, что лучшие люди из народа, как летописцы 18 века, так современники и ближние деятели петровской эпохи, все это чувствовали и сходились преимущественно в отрицании ревизии. Посошков первый сильно протестовал против ревизии душ с юридической и экономической точки зрения, восставая против крепостной принадлежности крестьян, утверждал, что поборы должны быть с земли по количеству владения. С своей стороны, Волынский об'являл себя противником ревизии, воспроизводя в своих инструкциях начало писцовых окладных книг для разложения повинностей. Наконец и последующие и мыслящие люди России до нашего времени преимущественно с этой стороны жаждут перемен в реформах Петра I.

Господа! не осуждайте меня, если буду я еще откровеннее. Не могу удержаться, чтобы не высказать..... Когда я в первый раз в жизни выезжал в одежде крестьянского мальчика одной отдаленной провинции, из самого глухого захолустья, из деревни в главный губернский город,—меня тогда сильно поразило резкое различие города и деревни, городских и сельских жителей; там—крайне убогие хижины, в городе—чересчур высокие, огромные, каменные палаты; там люди проще и грубее, здесь хитры и говорят каким-то особенным языком и т. п. Я задумался. Потом меня всегда погружало в думу какую-то грустную, когда я в месячную зимнюю ночь, русскую, морозную, градусов в 35, видел длинный обоз с кладью, как он тянется, напр., от Казани до Перми, или от Томска до Казани: мужички идут, кряхтя, подле воза то одиноко, то артелями с обнаженными лицами... Да, наша обширная, разнообразная сельская Русь—это загадка истории Русской! Когда я изучал историю Устрялова и Карамзина, мне всегда казалось странным, отчего в их историях не видно нашей сельской Руси, истории масс, т. наз. простого, черного народа. Разве это гражданское большинство вечно и в пе-

тории должно быть безгласно, пассивно, недеятельно? Разве это огромное большинство не имеет прав на просвещение, историческое развитие, на жизнь и значение хоть бар и духовенства? Что же оно провинилось пред природою? Неужели природа в самом деле мачеха ему?... А прочитайте летописи, исторические акты до 18 века,—кто устроил, основал, заселил, обработал русскую землю из под лесов и болот? Кто, как не селения общины? Послушайте целые века, начиная от IX и до XVIII века, акты исторические и юридические почти на каждой странице говорят о неутомимой, богатырской, страдальческой работе русского сельского народа, о движении его на все четыре стороны сквозь леса дремучие. болота и мхи непроходимые с своими заветными спутниками—топором, косой, сохой и бороной. Акты юридические о том только почти и говорят: куда ходили топор, коса и соха, или где крестьяне посажали, поставляли починки, на лесах, разрабатывали своей . . . . ивой[1]) страдой так называемые страдамые леса, деревни. Итак, как колонизация, культура, обстройка русской земли почти до конца XVII века и особенно до XVI века имели единичный, починочный характер, среди непочатых лесов и пустошей, то в актах, то в писцовых книгах отметились даже имена всех первых основателей, строителей нашей обширной сельской Руси, отметились в названии сел, деревень и починков. Раскройте любую писцовую книгу—она вся испещрена именами этих строителей починков и деревень, напр. деревню Иваново посажал на лесу Сидорко Иванов и т. д. Самые города основаны, построены большей частью крестьянами. Кому неизвестно так называемое городовое дело, эта тяжелая повинность, лежавшая на крестьянах наших в 16, 17 и 18 столетиях? И эти-то строители, сеятели и хранители России в награду за свою вековую страдальческую, богатырскую работу обречены были на злую неволю—крепостное состояние (по исключительной вольности, привеллигированности дворянства в XVIII столетии, за которое теперь они тяжело платятся), обложенные тяжелым жестоким тяглом, несоразмерно с другими сословиями, обремененные рекрутчиной, осуждены на вечную тяжелую работу, зимой по дорогам на морозе, летом с топором, косой, серпом и сохой—в поле на жару; лишены всяких средств, всякой возможности и даже самого права на просвещение, как словно не люди, не имеющие нужды в просвещении и проч. И гуманно-ли, благородно-ли не признавать братства и равенства с нами той сельской Руси, из которой произошли наши первые самостоятельные личности, замечательные в истории просвещения нашего? Напр., кто первый в век грубого староверства и суеверия зачал первую реформу в порядке духовном (каковы бы ни были на первый раз эти реформы)? Сын Нижегородского крестьянина Никон. Кто первый смело предложил

[1]) Неразборчиво в обеих рукописях до конца фразы.

первому императору Петру В. о земском народосоветии и первый высказал такие высокие политико-экономические идеи, какие в Западной Европе в то время не высказывались и которые еще в 19 веке ждут осуществления? Новгородский крестьянин Посошков в своих знаменитых сочинениях. Кто первый положил начало нашей новой литературе, поэзии и науке? Сын холмогорского крестьянина-рыбака—бессмертный Ломоносов и проч. А сколько бы наука, литература, словом все сферы цивилизации считали в своих рядах таких самородков, как выражается наш народ, если бы была свобода, которым бы был легкий доступ к развитию, открыта была бы, напр., дверь в университеты в каждом областном городе и не открыта была бы вместо того у каждой церкви и заставы одна дорога торная в царский кабак? И что же за просвещение, что же за науки наши, что за история русского народа, что за либеральный гуманизм и положительная экономическая цельность труда, если мы огромнейшему большинству нашего народа не даем права не только в жизни, просвещении и науке, но и в беспристрастной истории народа? Пусть историческая жизнь нашего простого сельского народа, многочисленнейшего и разнообразнейшего, пусть она протекла в 17 и особенно в 18 столетии только в стоне и бегстве от податей и налогов, от подушной переписи, от рекрутчины, от деспотического областного начальства, от крепостного права, ... да в бунтах противогосударственных, да в песнях грустно-заунывных [1]).... Историк тем более должен передать потомству этот стон, эти страдания, эти политические движения и бунты, эти, наконец, демократические песни народа ... Народ страдал, стонал—и вот его историческое человеческое величие. За свое страдание он рано или поздно получит венец истории—свободу. Исторические народные былины и песни про богатырей, про Ермака и Ивана Грозного, щедро дававшего народу жалованные грамоты на земское самоуправление, демократические песни раскола о царях и правительстве, демократические песни о казаках, о Стеньке Разине и Пугачеве—вот живая летопись исторической жизни и громкий голос демократических масс народных, летопись доселе живущая в устах и сердцах народа.

Давно уже сельская Русь в напряженности отъявить, получить от царя свободу,—крестьянская Русь со второй половины 18 столетия стала мечтать о своем искупителе из рода крестьян. Пусть дика, бессмысленна их система—историк народа должен отметить и ее. Она жизненна и возбудительна для грубых масс народа. Крестьянин-солдат способен наделать чудеса в возбуждении и движении

[1]) Сравн. «Отрывки из Ученой Беседы» в приложении к цит. работе Аристова, стр. 156 со слов: «И эти-то строители, сеятели и хранители России»... и т. д.

масс. Это уже было. Во второй половине 18 века крестьянин Орловской губ.—Селиванов способен был так очаровать простой народ, что он доселе в своих мистико-идеалистических песнях, в мифических образах народного эпоса воспевает в лице его своего мифического искупителя:

У нас было на сырой земле,
Претворилися такие чудеса,
Растворилися седьмые небеса,
Сокатилися златые колеса,
Золотые еще огненные.
Уж на той колеснице огненной
Над пророками пророк—сударь гремит,
Наш батюшка покатывает,
Утверждает он святой божий закон,
Под ним белый храбрый конь,
Хорошо его конь убран,
Золотыми подковами подкован;
Уж и это конь не прост:
У добра коня жемчужный хвост,
А гривушка позолоченая,
Крупным жемчугом унизанная,
В очах его камень—маргарит,
Из уст его огонь—пламень горит.
Уж на том ли храбром коне
Искупитель наш покатывает;
Он катает с златыми ключами
По всем четырем сторонушкам,
По иным землям по французскиим,
Французскиим—по Иркутскиим,
Набирал он полки премудрые,
Кавалерскую—духовную.
А теперь то, други милые,
Прокатилось красно-солнышко
В северну сторонушку,
Свет во Питерску;
При батюшке искупителе,
При втором спасителе
Душам нашим воскресенье.
Уж стал наш батюшка родной,
Государь нам полковник дорогой,
Своим полком полковать,
Разложил свой Евангель толковать и проч.

Далее, если историк неминуемо должен рассказать историю политической борьбы удельных князей с московскими государями до последней трагической борьбы князя Курбского с царем Иваном, если историк должен следить за историей политических агитаций боярства XVII века, шляхества в первой половине XVIII столетия и дворянства во второй половине прошлого столетия и в первой нынешнего,—то с другой стороны, тем не менее беспристрастный народный историк должен следить за политическими движениями и проявлениями нисших масс народных, этого огромного большинства. Он тем более должен вникать в сущность, в тайные мотивы движения, в характер и направление народных бунтов, тем внимательнее должен вслушиваться в речи бунтующего народа, вникать в дела его, вдумываться в личности главных зачинщиков, агитаторов,—что в бунтах народных выражался весь гнет, все давление сверху, все тяготение государственности, единодержавия, архиерейско-поповского православия, административной централизации дворянского барства, всепоглощающей обирательной системы казны, рекрутской оспы, беспощадно поглощающей мирных землевладельцев из сельских общин на службу солдату-царю, коверкающего бревна и трудолюбивого крестьянина в лазаретного и казарменного солдата—калеку. В бунтах своих народ наш выражал всю свою политическую философию, свои демократические думы и стремления, свои онтологические чувства и симпатии.

Безгласный в спокойное время, он во время бунтов громко и буйно кричал и инстинктивно выражал всю накипевшую, наболевшую в его духе злобу антагонизма к тяготеющим над ним началам государственности У[жас]ен этот народ: история наша давно это показала. И горе нам, нестолбовым дворянам и чиновникам, если взволнуются забушуют эти могучие силы здоровой сельской Руси, под руководством ее удалых, добрых молодцев, если мы первые не подадим этому огромному, забитому большинству народа мировую руку свободы, братства, если равенство еще мечты[1]). История—самый положительный опыт и самый поучительный урок. Замечательное и ужасное явление в истории нашего нисшего народа то: он во всех бунтах своих, какие были в XVI—XIX столетии, всегда выражал антагонизм, нетерпимость к чиновничеству, - особенно военному, к дворянству и поповству. Проследите историю бунтов второй половины 17 века; напр., бунта Новгородского и Псковского, бунта Сольвычегодского, бунта Московского и Коломенского, бунта Стеньки Ра-

[1]) Этот призыв кажется как бы пророческим, если вспомнить октябрь 1917 года. Кроме того, это место важно для определения той социальной базы, которую Щапов признавал наиболее действенной и революционной, и той тактики для интеллигенции, которую он признавал единственно-правильной. Сравни «Отрывки из Ученой Беседы», приведенные у Аристова в цитир соч. стр. 156 со слов «В бунтах своих».—и дальше.

зина, бунта Астраханского и Булавина, бунта Пугачевского,—и вы уверитесь в этом грустном убеждении. Во всех указанных бунтах только и было у бунтующего народа нашего избивать бояр, воевод, дьяков, подьячих и всех приказных чиновников и всех дворян. И эта антипатия, этот антагонизм низших масс народа к чиновникам и дворянам глубоко коренится доселе в духе народном и выражается точно так же, как выражался в бунтах XVII века. Не даром, не без исторической связи и последовательности народ снова ждет Стеньку Разина и поет про него, как про неумирающего доброго молодца. Кто из вас не знает, например, новейшего народного бунта? Сличите его с каким угодно бунтом XVII века, одни и те же действия, одни и те же вопли и крики бунтующей массы, только причина и повод возмущения—другие. Когда мы будем подробно излагать историю народных бунтов XVI и XVII веков, вы увидите со всею ясностью их внутреннее единство, общность, мотивы антагонизма; а в настоящую минуту припомните только, что говорил например во время Новгородского возмущения 1831 года один старик-поселянин усмирявшему бунт инженерному полковнику Панаеву: „Послушай старик,—говорил Панаев этому старику,—ты человек умный и можешь рассудить как можно отравить всех? Поди ты и растолкуй им, они тебе больше поверят". Мужик-поэт сказал: „Что тут попусту толковать. Для дураков яд—да холера, а нам надобно, чтобы вашего дворянского козьего племени не было". Вот какие ужасные замыслы всегда обнаруживались в наших народных бунтах [1]

---

[1]) Сравни, Отрывки из «Ученой Беседе» у Аристова стр. 156—157 со слов: «История—самый положительный опыт» и т. д